

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ БОЛЬШИЕ БАТАЛЬОНЫ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Том 2. От финских хладных скал...

Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев

**Большие батальоны. Том 2.
От финских хладных скал...**

«Звягинцев Станислав»

2013

Звягинцев В. Д.

Большие батальоны. Том 2. От финских хладных скал... /
В. Д. Звягинцев — «Звягинцев Станислав», 2013 — (Одиссей
покидает Итаку)

ISBN 978-5-699-63577-1

Заказчики и вдохновители заговора против России в этот раз крупно просчитались. Ни выверенные схемы, ни миллионы долларов, потраченные на подкуп чиновников и продажных военных, не сработали. Буквально за день казалось бы до мелочей отработанный план начал рушиться как картонный домик под порывом свежего ветра. Ветра перемен. В Россию наших дней пришли новые русские – свободные, уверенные в себе люди из альтернативной Российской империи, не испытывавшие гнета большевизма, не пережившие ужасов Второй мировой, готовые помогать и защищать тех, кого они по праву считали своими братьями. Вадим Ляхов, Сергей Тарханов, их учителя и соратники рискнули – и вот их чаяния и надежды готовы стать реальностью.

ISBN 978-5-699-63577-1

© Звягинцев В. Д., 2013

© Звягинцев Станислав, 2013

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	34
Глава четвёртая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Василий Звягинцев

Большие батальоны. Том 2.

От финских хладных скал...

© Звягинцев В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*...Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постели,
Не в силах завинтить свой измайльский итык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясённого Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов.*

А. Пушкин.
Клеветникам России. 1831 г.

Глава первая

– Я думаю, уже пора сматываться, – сказал Басманов, когда на горизонте появились отчётливо видимые силуэты российских эсминцев, а справа и слева от крейсера, уже ничего не опасаясь, на бреющем прошли две пары «КОРов».

– До наших километров тридцать, если я не ошибаюсь...

– Да, может быть, чуть больше, пятнадцать миль примерно. Полчаса хода, если даже не сильно спешить. И с гидропланов должны были рассмотреть наш флажный сигнал, – согласился Бекетов.

Обстановка прояснилась – как только отключились системы глушения и наведения ложных импульсов на экраны русских радиолокаторов, англичане оказались в чистом проигрыше. Один крейсер без хода и уже в поле оптической видимости всей российской эскадры, остальные три при желании догнать можно, но только эсминцами, крейсера не успеют, а дивизион «Новиков» против трёх «Тайгеров» – бабушка надвое сказала, что получится¹. Как говорил пушкинский Германн: «Я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее».

Молодому, амбициозному и агрессивному, но не очень верящему в прочность своего нынешнего положения адмиралу Дукельскому захвата исправного крейсера, в ходе безупречно проведённой оборонительной (а кто посмеет возразить?) операции, со всеми сопутствующими успехами достаточно. Тогда и на приличный орден рассчитывать можно, «Геоργия» скорее всего, и вторые чёрные орлы могут спорхнуть с «горних высот» и усесться на погонах рядом с не так давно обмытыми первыми. Известно, что новый Государь предпочитает раздавать чины гораздо щедрее, чем ордена.

Команда Уварова – Басманова целиком собралась в боевой рубке. Отсюда видно всё вокруг очень далеко, и исчезнуть нетрудно. Через трубы спуститься в расположенный ниже ватерлинии Центральный пост – и для всех окружающих исчезнуть, как и не было. Ушли и ушли. Куда и зачем – англичанам на эту тему очень долго задумываться настроения не будет, своих забот хватит. А если свои флотские вдруг докапываются вздумают – кто именно тут стрелял да командовал, по радио из самой Москвы проинструктированный адмирал им быстро объяснит – «не ваше дело», и все немедленно согласятся. Что касается непереносимых пересудов в кают-компаниях и среди матросов на баке – кто на них когда внимание обращал?

Из всех участников захвата крейсера по-настоящему безутешны были Юрий Бекетов да младшие братья Кузнецовы. Судьбы остальных волонтеров, и живых, и убитых, мало кого интересовали, посторонние, в принципе, люди, с которыми свела на краткий миг судьба. Большинство и по именам неизвестны... Ими займются люди из штаба адмирала.

Мария погладила Бекетова по рукаву куртки.

– Я всё понимаю, вам сейчас тяжело, несмотря на победу. Знаете, через несколько дней, когда относительно вас примут какое-то решение и предоставят свободу, – она чувствовала, что слова звучат невероятно казённо, но другие не выговаривались, – мы ещё увидимся.

Она не очень представляла, как будет выглядеть эта встреча, где и в чём её смысл, но понравившегося и очень себя хорошо показавшего в бою парня было сейчас просто очень жалко. Маша никогда не теряла, на войне или иным образом, друзей, подруг, родственников (которых, правда, и не было, не считая приёмных тётушек и дядюшек), но догадывалась, что люди при этом чувствуют. И обещание скорой встречи, с намёком, что она будет «не просто так», Юрия должно поддержать в тот момент, когда все уходят, а он остаётся с телами убитых друзей на руках и полностью неясными перспективами.

¹ Э/м «Новик» – водоизмещение 4200 т. Скорость до 44 уз. Вооружение 3х2—130-мм пушек, 3–5-трубных т/а.Л/кр. «Тайгер» – водоизмещение 12 тыс. тонн, скорость – 32 уз. Вооружение: 4х3—152 мм. 8х2—76 мм. 8х2—37 мм.

В это же время Уваров, единственный здесь профессионал-разведчик этого мира, а также и «старший по команде», чуть ли не по слогам вколачивал в головы участвовавших в восстании и бою волонтёров всё, что, а главное – как они должны говорить на допросах, которые непременно скоро начнутся. (А вы как думали? Придётся разбираться, кому награды, а кому и тюрьма.) И будут они весьма въедливые, пока в самой Москве решение по представлению эскадренного начальства примут. Но в любом случае – чем меньше у людей будет заранее заготовленных ответов и чересчур детальных совпадений в показаниях на очных ставках – тем лучше. Бунт, он и есть бунт, стихийный, не поддающийся ни логике, ни стройным воспоминаниям. Основное, что должны запомнить все, – началось со стрельбы зениток и налёта русских самолётов. Тут героически павшие в бою Николай с Егором и призвали всех к сопротивлению. А бывший офицер Юрий восстание возглавил и руководил до последнего момента. Дальше пусть каждый несёт всё, что в голову придёт. Какие-то парни оружейку вскрыли, а дальше – само пошло. Все были в разных местах и друг друга почти не видели, так что никто ни за кого, кроме двух-трёх ближайших товарищей, отвечать не может. Каждый в полном праве расписывать, как сам из пушек и пулемётов стрелял, или признать, что просто бегал без особой цели, подчинялся тем, кто громче кричал. Кто сколько англичан убил – врите, как после вчерашней рыбалки.

А вот чего нельзя говорить ни в коем случае – будто кто-нибудь хоть мельком видел на крейсере каких-то женщин, тем более – вооружённых. На обложках журналов, наклеенных на переборки в кубриках, – видели, а больше никак. О мужчинах – можно, хоть о двухметровых мордоворотах, ломом подпоясанных, всё равно никто не успел запомнить хотя бы в лицо, не говоря об именах и фамилиях двух сотен человек, раскиданных по пяти кубрикам.

– Учтите, ребята, – наставлял Уваров, – «лаймы» будут дружно утверждать, что женщины были, даже те, кто их сам не видел. А вы говорите, что ничего подобного. Мол, галлюцинации это, от спермотоксикоза. Всего и делов. Кто нормально пройдёт «собеседования», получит не только государственные награды, но и приличные деньги. Нет – значит, нет. Меня все поняли? Тогда до встречи. Я сам вас найду, слово офицера...

Вооружённые волонтёры согнали всех англичан, выживших в короткой, но жестокой мясорубке на верхней палубе, на самый бак, за волнолом, к брашпилям. Там они стояли толпой под прицелом пулемётов с мостика и могли развлекаться только тем, что считать количество вымпелов в смыкающих кольцо вокруг «Гренвилла» дивизионах крейсеров и эсминцев и предполагать, сразу ли их повезут в Сибирь или предварительно будут какие-то следственные мероприятия и подобие суда.

Трупы погибших снесли на шканцы, англичан на левый борт, наших на правый. Раненым, без различия подданства, оказывали помощь судовые врачи и фельдшера. Остальной экипаж крейсера предпочёл остаться на своих боевых постах, не предпринимая никаких активных действий. А предоставленные сами себе волонтёры устраивались в зависимости от личных вкусов и сообразительности. Многие, теперь совсем ничем не рискуя, избавленные от конкуренции матросов противника, продолжили грабёж крейсера. Если денежный ящик ревизора очистили люди Шурлапова, то в каютах офицеров, кают-компаний и иных помещениях нашлось достаточно подлежащих экспроприации вещей. Другие по-быстрому вооружились, чтобы обозначиться в числе героев – участников восстания, и теперь сочиняли себе подходящие легенды. Большинство же и здесь предпочло «плыть по течению», проще говоря, прихлёбывать добытую выпивку и, теснясь у лееров, наблюдать за приближающимися русскими кораблями. Это зрелище, как и всё случившееся раньше, у многих оживило чувство патриотизма, почти растерянное за годы скитания по заграницам.

– Смотри, капитан, – наставлял Бекетова Валерий. – Когда наши подойдут – представься, сдашь корабль и пленный комсостав, что на мостике. Про остальных ты ни сном ни духом... Что есть какой-то Эванс, профессор Френч и прочие. Пусть устраиваются, как хотят,

для тебя их просто не существует, неоткуда было о них узнать, и некогда. Вся твоя информация – что вы лично слышали от надзирателей и... Ну, от кого ты мог ещё что-то узнать? – Уваров на ходу выстраивал самую простенькую легенду, буквально на несколько часов действия, да и то не для того, чтобы Бекетову «положительный и героический образ» создать, а чтобы для рядовых офицеров флота лишняя информация не дошла. Кто знает, как ею Чекменёв и Ляхов решат распорядиться. – Некогда тебе было. Разве последний час кое с кем из соотечественников поговорил. Сопоставил, обмыслил... Но это всё так, экспромт, наброски углём. Через несколько часов после доклада в центр командующий русской эскадрой получит приказ срочно доставить тебя в Москву. Там мы с тобой и встретимся...

Валькирии, пленный инженер и добровольно сдавшийся Остин Строссон, Уваров и Басманов (Михаил – последним) спустились по скобтрапу до первого же подходящего отсека.

– Мы готовы, – сказал Басманов, и тут же Сильвия открыла правую переборку в кабинет Арчибальда.

Здесь почти ничего не изменилось за несколько прошедших в Замке минут. Сильвия, сидевшая в кресле и наблюдавшая за происходившим на крейсере, даже позы, кажется, не поменяла, только окурков в пепельнице прибавилось.

Арчибальду было велено найти подходящее помещение и изолировать пленных, по одному.

– Картину героического пленения русскими моряками вражеского «фрегата» досматривать будете? – осведомилась Сильвия. Такого желания ни у кого не оказалось. Впечатлений было достаточно и без этого.

– Пусть этот господин сделает полную видеохронику, мы потом как-нибудь взглянем, – сказал Басманов, а Уваров добавил, что такая запись в любом случае понадобится руководству его Управления.

– Тогда приведите себя в порядок и возвращайтесь, – продолжила распоряжаться Сильвия, по-прежнему считая себя здесь самой старшей, и ей никто не возразил, даже любящий попрепираться со всеми, кроме Новикова и Шульгина, Константин Васильевич.

– Прошу прощения, конечно, мадам, – кривя губы, обратился к ней полковник, когда они остались втроём, считая профессора, который суетился у стола, наполняя бокалы «за одоление супостата». – Но сегодня ты накаркала! Нужны были трупы для убедительности – извольте. Извольте, целых девять, ещё столько же вряд ли выживут. Об англичанах не говорю. Достаточно, нет?

– Возьмите себя в руки, Михаил Фёдорович. Я что-то не помню за последние сто лет вашей службы таких эмоциональных срывов. Неужто в боях под Гумбинином, Екатеринодаром, Абинской, Каховкой вас так уж волновали потери? И ведь не я в ваших «неожиданных союзников» стреляла. Дело сделано, это главное. А хотите погрузить – можем попозже организовать подобие тризны... Прошу прощения, конечно, это на вас не новое ли увлечение так подействовало?

Говоря всё это, Сильвия тонко усмехнулась и посмотрела на дверь, через которую минутой раньше вышла Марина с остальными валькириями.

Натура Сильвии не позволяла ей «просто так» отпустить человека, который чересчур демонстративно предпочёл ей обычную девчонку. Не имело никакого значения, что сама она, возможно, никогда больше не пригласила бы полковника в свою постель. Это – совсем другое дело. Басманов чересчур демонстративно дал понять, что Марина ему действительно интересна, а с нею он просто исполнил некую обязанность. Не смог отказать старшей по положению «сестре».

Зла она не затаивала, и впредь как-то «мстить» Басманову, оказавшемуся неплохим любовником, Сильвия не собиралась, а вот уязвить, поставить на место – с огромным удовольствием.

Заход Сильвии сразу понял и оценил только старый и повидавший жизнь и смерть во всех проявлениях профессор Удолин. Даже деликатно ухмыльнулся в сложенный кулак и подмигнул Михаилу. Терпи, мол, братец, знай, как с «панночками» связываться, «Вия» перечти на досуге...

А Басманова, знавшего Сильвию ещё с тех времён, когда она была почти чистопородной «леди», пусть и бойко говорящей по-русски, сказанное ею почти не задело. Он другому удивился – насколько русской она выглядела сейчас. И выражением лица, и интонациями. Превосходный, и так малозаметный акцент пропал совершенно, зато появились манеры, подходящие не даме из британского герцогского рода, а эмансипированной, не считающейся ни с какими условностями дворянки. Графини или, скорее, княгини, умеющей при необходимости произносить фразы, не каждому боцману доступные. То есть всё той же нормальной русской бабе, даже, скорее, казачки кубанской. Два года Гражданской он провёл на Юге и сейчас уже шестой год жил там же, так что этот типаж изучил прекрасно. А то, что подобные манеры появились у Сильвии... Ну, видимо, это она так перестроилась, собираясь занять подходящее место при дворе Императора Олега. А почему бы и нет? Надо же готовить себе тихую пристань, раз надоело наконец болтаться между временами и мирами.

Он ещё подумал, что её ответная резкость, в общем, справедлива. Не стоило ему сразу же акцентировать внимание на тех её словах. Будто бы зло за свои промахи на посторонней сорвал. Не из-за её ведь слов погибли инженер и унтер. От собственной невнимательности, прежде всего. Тут скорее и он сам, и Мария в некоторой степени виноваты. Опять же – нельзя за полчаса научить правильно воевать неподготовленных людей. Автомат в руки дать можно, как и в какую сторону стрелять – объяснить, а вот научить думать, как положено кадровому «человеку с ружьём», – не одного месяца дело...

– Вы правы, миледи, а я нет. Вы тут, конечно, ни при чём. Просто не нужно было этих парней брать с собой, вот и всё. Сейчас сидели бы здесь с нами и даже не представляли, что могло быть иначе...

– Ладно, Миша, забудем. Я всё понимаю... – и даже сделала движение, словно собралась погладить полковника по щеке. Но вовремя спохватилась...

Из них троих только Константин Васильевич знал истину и пребывал в полной удовлетворённости, относя успешное завершение крайне неприятно складывавшейся поначалу, с момента их захвата Замком (или Арчибальдом, Ваал разберёт), ситуации в основном на свой счёт. Это его заклинания и формулы, составленные с привлечением сокровенных тантрических методик и не имеющих вербального воплощения *объективных идей*², организовали текущую микрореальность, в которой удалось изящно и без потерь справиться с Арчибальдом да вдобавок гармонизировать «гендерные», как сейчас принято выражаться, отношения внутри филиала Братства. Попросту говоря, перевести излишнее напряжение *эротического поля*, возникшего между *разнозаряженными* членами стихийно сложившейся группы в полезную работу. В данном случае – бой и все сопутствующие моменты.

В это же время разместивший в однокомнатном, полутюремном, полугостиничном номере инженера Майкельсона Арчибальд открыл соседнюю дверь такой же камеры перед Строссоном.

– Прошу вас, сэр.

² Объективная идея – наивысшее родовое понятие идеализма, которое не только обладает объективной реальностью, но и определяет собой чувственное бытие. Монистическая теория Платона говорит о воздействии самостоятельно данного идеального мира на реальность.

Услышав обращённый к нему голос, слишком знакомый, офицер наконец не выдержал. Он и так чувствовал себя *до крайности странно*. Мало всего случившегося на крейсере за последние полсутки, а особенно – два часа, так теперь вдруг – это!

Увидев старейшего члена клуба, мистера Боулнойза, один раз уже восставшего из могилы или куда там ещё попадают такие энергичные джентльмены, а теперь вот явившегося в облике дворцового *старого закала*, Строссон буквальным образом *офонарел*, как выражаются русские на своём чрезвычайно перегруженном идиомами³ и жаргонизмами языке. Оттого и внезапный переход из отсека крейсера чёрт знает куда и ему же известным способом уже как-то не слишком удивил.

Дополнительным, смягчающим шок фактором оказалась внешность окружающих лейтенант-коммандера женщин. От младших до самой старшей. Строссон имел случаи убедиться, что практически любая русская несравнимо симпатичнее, красивее, и уж тем более эффектнее взятой хоть наугад, хоть путём специального отбора островитянки. Но здесь их было шесть, и от концентрации физического совершенства и красоты, помноженных на шарм, становилось даже не по себе. Это как если бы войти в Гайд-парк и вместо опавших осенних листьев увидеть покрывающие газоны серебряные шиллинги и золотые гинеи.

На крейсере девушки не успели произвести на Остина должного впечатления в силу специфических обстоятельств их знакомства. И момента полуобнажения Анастасии и Кристины он не видел, лёжа лицом в подушку, с готовой в каждую секунду взорваться гранатой на спине.

Но если молодые леди с автоматами просто восхищали, то одетая строго и вместе с тем с тщательно выверенным намёком на фривольность дама лет тридцати пяти, то есть ровесница Строссона, очаровывала каким-то не совсем человеческим образом. Будто бы встретившаяся на пути Афродита или даже Афина Паллада, принявшая из божественного каприза облик земной женщины.

Остин решил махнуть рукой на эти и другие странности, пока не достигнута главная цель (этим, кстати, англичане отличаются от русских в лучшую сторону). Цель же была столь значительна, что иные мысли имели право только на вспомогательное существование.

Удолин ещё в первые минуты появления в Замке англичанина заметил не только вполне естественный интерес британского офицера к девушкам и несколько аффектированный – к Сильвии, но и взгляд, брошенный им на Арчибальда. Взгляд несколько смятенный, англичанин явно раньше уже видел робота и сейчас не мог сообразить, как поступить – каким-то образом обозначить это знакомство или до подходящего случая сохранить его в тайне.

Профессор решил поступить нестандартно. С пульта он приказал роботу привести второго пленника обратно. Когда они вошли, Удолин с усмешкой посмотрел на Строссона, жестом указав сесть в кресло и произнёс велеречиво:

– Поведай нам, Арчибальд, откуда ты знаешь этого молодого человека и откуда он знает тебя?

– Да вы тоже присаживайтесь, – предложил он Басманову с Сильвией. – Рассказ будет, может быть, долгим, но весьма познавательным...

Рассказ, впрочем, оказался не особенно длинным, минут на пятнадцать. Работая сейчас как коммутатор между Замком во всей его непостижимой целостности и людьми с их ограниченными возможностями восприятия, Арчибальд излагал наиболее существенные моменты своей деятельности в роли Боулнойза удивительно сжато и в то же время с предельной информативностью. Как хороший лектор-популяризатор, с приёмами мелодекламации доводящий до слушателей конспект, к примеру, «Истории Французской революции» Карлейля.

³ Идиома – устойчивое словосочетание, значение которого невыводимо из значений составляющих его компонентов.

Сам Строссон был упомянут лишь однажды, как доверенное лицо адмирала Гамильтона-Рэя, переформатированного Арчибалдом для непосредственного воплощения стратегического замысла русско-британской войны.

– Пока достаточно, – сказала уже Сильвия, и робот послушно замолчал.

– И с какой же целью, *сэр*, – перейдя на английский, спросила леди Спенсер у лейтенант-коммандера, – вы решили капитулировать перед рядовыми разведчиками, выполнявшими вполне локальную собственную задачу, а не дождались встречи с гораздо более значительными лицами из командования русской эскадры?

Строссон в очередной раз был удивлён происшедшим с дамой превращением. Теперь с ним говорила настоящая британская аристократка из самых-самых высоких кругов. Он, хоть и не был профессором Хиггинсом⁴, отлично умел определять социальный статус человека по его речи.

– Боюсь показаться вам трусом, но отвечу честно – я сразу сообразил, не сдаться я немедленно вот этой мисс, – он слегка поклонился Анастасии, – господин офицер, бывший с нею (а я не сомневаюсь, что он был именно хорошо подготовленный офицер-диверсант, а не безродный бродяга), вполне мог не рассчитать силы удара. Когда под горячую руку бьешь автоматом по голове, очень легко не сдержаться... Тем более, я подозреваю, у него были для этого основания...

– Что да, то да, – кивнула Сильвия. – Несколькими минутами раньше ваши *сотрудники* убили его лучшего друга. Едва ли господин капитан непричастен ко всему с нами случившемуся.

– Крайне сожалею и выражаю вам своё сочувствие. Лично я к происходившему на корабле непричастен абсолютно, – поспешил заверить Строссон. – Я выполнял совсем другие функции и, как только понял, что адмиралтейские лорды заигрались и ведут дело прямым путём к войне с Россией, самостоятельно принял решение любым способом это предотвратить. Прошу заметить, это именно я воспрепятствовал Эвансу немедленно начать поиски скрывшихся ваших людей... Вы выиграли много нужного времени.

– Хорошо, это сейчас не имеет значения, – прекратила его излияния Сильвия. – Есть люди, которые вас выслушают с интересом. А у нас есть темы более насущные. Ты, Арчибалд, можешь нам открыть выход из Замка в нашу реальность?

– Естественно. В любую из теоретически доступных. Более того, теперь я снова готов исполнять при вас те же обязанности, что раньше при Антоне. Мои самостоятельные действия признаны чрезмерными, волюнтаристскими и неадекватными...

При этих словах рассмеялась только Сильвия. Был бы здесь Фёст или Берестин, они бы её поддержали. Остальные, не знавшие эпохи Хрущёва, юмор ситуации не оценили. Интересно, кто принимал решение и диктовал роботу «формулу покаяния»? Включилась новая специализированная ячейка в структуре, предназначенной осуществлять связь Замка с данным сектором Гиперсети, или его всеобъемлющая сущность решила использовать ту же форму (Арчибалда), лишив его самостоятельности и переключив на функцию просто понижающего трансформатора, переводчика с металанга десятого, скажем, уровня на доступный этим людям третий, иногда четвёртый.

Влил, так сказать, новое вино в старые мехи.

– Мы согласны, – кивнула Сильвия, обращаясь явно не к роботу.

– Вы не хотите, чтобы я изменил внешность? Возможно, нынешняя будет вызывать у вас неприятные ассоциации? – Арчибалд даже приосанился, расправил плечи, демонстрируя, что готов к любому решению.

⁴ См. пьесу Б. Шоу «Пигмалион» или мюзикл «Моя прекрасная леди».

– Нет, зачем же, – опередил Сильвию с ответом Удолин. – В этом виде вы нас, *любезнейший*, вполне устраиваете...

– Другие мнения будут? – демонстрируя аристократическую демократичность, посмотрела на Басманова агтрианка. Полковник молча пожал плечами. Строссон вообще перестал что-то понимать в происходящем.

– Тогда, Арчибальд, организуйте нам для начала возможность контактов с внешним миром.

– С каким именно? Или со всеми одновременно?

Сильвия пожалала плечами, давая понять, что считает вопрос не слишком умным.

– Со всеми, но последовательно... Сейчас – с первой реальностью.

Под «первой» Сильвия подразумевала ГИП.

И тут же в её кармане прозвучала негромкая, почти не привлекающая внимания посторонних, настроенная на восприятие только тех, кому она предназначена, трель вызова.

Был бы здесь Фёст, он непременно бы прокомментировал: «Абонент вновь доступен для связи».

Интересно так совпало – Арчибальд снял накрывающий Замок колпак одновременно с посланным антенной СПВ «Валгаллы» сигналом. Или – именно поэтому.

Переключив блок в режим обычной телефонии, Сильвия поднесла портсигар к уху. Пока она не выяснила, зачем ей звонит Дмитрий, остальным слышать его не нужно. Чувствуя, что разговор может быть долгим и сложным, она взяла со стола бокал явно в расчёте на неё и приготовленного Арчибальдом розового джина (по рецепту ещё *той* (1819–1901 гг.) королевы Виктории, перешла в кабинет, устроилась в кресле, сделала глоток, закурила и только потом ответила самым милым и волнующим из своих голосов:

– Утро доброе, Митенька! Да-да, у нас здесь утро. Надеюсь, ты хочешь сказать мне что-то приятное? Комплименты тебе очень удаются...

Примерно на втором году знакомства, освоившись в Братстве и как следует разобравшись в системе отношений и психологических характеристиках каждого, она избрала для общения с Воронцовым именно этот стиль и тон. Прекрасно понимая, что с ним, как и с Новиковым, ей на интим рассчитывать нечего (а моментами очень даже хотелось), она сублимировала⁵ свои эмоции таким образом, особенно – в присутствии Ирины и Натальи.

– Спасибо, у меня тоже всё в порядке. Совершенно как в песне про прекрасную маркизу – «всё хорошо, всё хорошо». Правда, так уж получилось, что мне пришлось сначала навесить Белый Крым. Да, конечно, по Мишеньке Басманову соскучилась. Потом мы неожиданным образом опять попали в *твой* Замок, немного повоевали, но теперь уже всё в порядке. Все, особенно девушки, живы и здоровы. Вовсю *женихаются*. Скоро свадьбы будем справлять, так что готовьтесь с Наташей. Нет, нет – всё абсолютно пристойно, всё под моим контролем... Ох, ну ты и скажешь! – в ответ на довольно скабрёзный комплимент Воронцова (тот тоже позволял себе *шутить* с агтрианкой *непринуждённо*) серебристо рассмеялась.

– А если серьёзно – всё по обычной схеме. Преодолеваем возникающие трудности, отчего ситуация всё больше осложняется. Да, я понимаю, что так и должно быть, но моментами надо-едает. Встретимся, расскажу в деталях. Сейчас ты что-то конкретное хотел сказать или просто соскучился? Так, так... Ну, давай на связь нашего... юнкера (это она так называла полковника Ляхова-второго, имея в виду его иерархическое положение в Братстве со своей точки зрения). Только покрути там у себя настройки, дай изображение, терпеть не могу говорить, не глядя человеку глаза. Нет, с тобой могу, потому что под твоим взглядом я прямо таю...

⁵ Сублимация – психический процесс преобразования и переключения энергии аффективных влечений на цели социальной деятельности и культурного творчества. По Фрейду – один из видов трансформации влечений (либидо), противоположный *вытеснению*.

Управляющий СПВ робот-связист не стал открывать полноценный канал, включил только рамку двустороннего, но физически непроходимого «окна», не создающего «эффекта пробоя».

– Я тебя слушаю, Вадим. – С ним, после одного из слегка поцарапавших самолюбие агтрианки инцидентов личного плана, она предпочитала разговаривать хотя и по-прежнему желательно, но только по делу. Не любила, когда мужчины ей *отказывали демонстративно*.

Секонд сначала доложил, зачем ему потребовался совет и помощь «старшей сестры», которой он парадоксальным образом, в практических, особенно – авантюрных делах, доверял больше, чем Дмитрию Сергеевичу. Да ведь она уже гораздо больше, чем Воронцов, втянулась в обычную жизнь его реальности. С Императором вон на короткой ноге, как Хлестаков выражался...

И только потом спросил (уже по другой должности), как там себя чувствует «купец Катранов» и что говорит Басманов насчёт перспектив его миссии?

Сильвия ответила в обратном порядке. Сначала по поводу последнего вопроса спросила, будет ли ей позволено принять самостоятельное решение «в свете вновь вскрывшихся обстоятельств» и её собственного видения проблемы. А потом сообщила, что информация Секонда её весьма взбудорила и она, пожалуй, прямо сейчас, в пределах двух-трёх часов, прибудет и вплотную займётся этим интересным делом.

– Любое мероприятие, тобою начатое, следует доводить до конца, иначе тебя посчитают пустым человеком...

– Ну вы, миледи, самого Пруткова переплюнули. А, кстати, почему у вас в Англии все афористы такие скучные и ничего подобного там не услышишь?

– Вернусь – объясню, – тоном, очень близким к манере Чекменёва, ответила миледи. – Пока можешь просмотреть афоризмы Уайльда. По-моему – не хуже ваших. Значит, фиксируем позицию. Я так понимаю, скоро мне придётся и с Олегом, и с *тем* Президентом говорить?

Тут Сильвия позволила себе слегка улыбнуться, Секонд, как никто другой, понимал, что она имеет в виду.

– Считаем, что от тебя, как непосредственного куратора всего проекта...

Секонд попытался возразить, что как раз этот вопрос вне его непосредственной компетенции, здесь в основном Тарханов и Чекменёв заправляют, но агтрианка слушать не стала.

– Решаем так – от тебя, по причине невозможности экстренно связаться с кем-нибудь другим, я санкцию на срочное завершение миссии Катранджи получила. Не бойся, всё будет оформлено в наилучшем виде, и наш Ибрагим успеет поучаствовать в делёжке британского наследства. Тем более тут ещё одна интересная штука выяснилась. Оказывается, половина «Интернационала» Ибрагима давно против него работает. Тоже объясню. Думаю, на этот раз достаточно будет отправить с Михаилом Фёдоровичем обратно в двадцать пятый только его и... с ним одну Кристину. Факты показали, что от вмешательства «третьей силы» ни отделение, ни взвод не помогут защититься. А теперь им едва ли что-то угрожает, весь удар мы уже приняли. И отразили – дай бог каждому. Михаилу я скажу – пусть соглашаются на все условия турка, не торгуясь. Сейчас на кону совсем другие ставки. И Уваров, и остальные девочки нам здесь весьма пригодятся. Проблему транспортировки оружия я возьму на себя. В моем нынешнем положении куда разумнее будет воспользоваться методиками Замка. Они с нашими не пересекаются и общую обстановку не осложнят. У вас и без этого скоро станет действительно весело.

– Я вас не совсем понимаю, но верю безусловно. Не думаю, что будут возражения, но минут на двадцать я отключусь. Мне нужно всё же согласовать.

– Давай-давай. Заодно скажи, что мы такой гостинец приготовили, что хоть Чекменёву, хоть самому Императору с ним и на трибуну ООН выйти не стыдно будет, и для закулисного торга сойдёт...

– Будет сделано. Связь не отключаем...

Сильвия вернулась в зал в приподнятом настроении. Несмотря на солидный по человеческим меркам возраст, она совершенно не утратила любви к интригам. Большим и маленьким. Сейчас она сообщила «всем заинтересованным лицам», что миссия Катранджи будет продолжена. Басманов в ближайший час, если у него нет каких-то возражений, может забирать клиента, его эскорт-леди и вылетать домой. Арчибальд обеспечит «экономичный маршрут». Не более получаса лёта до Мармара.

– Вы, Константин Васильевич, конечно, с ними? Там ведь ваши коллеги до сих пор безуспешно пытаются нас разыскать за «завесой Майи»⁶. Встретитесь, пообщаетесь и дальше – как знаете. Хотите – там оставайтесь, а можете – к нам в Москву. Там скоро очень интересно будет. Некромантам – тоже. Ты, Валерий, тоже возвращаешься, Ляхов решил – вы там нужнее будете. Людмила с Гертой уже вдвоем навоевались, а это ведь только начало. Помощь им требуется.

Заметила откровенно расстроенное лицо Марины и короткий, отнюдь не христианский взгляд Басманова. Да ради бога, ей ведь ничего не стоит и переиграть, так, чтобы ничего не было сказано вслух, но заинтересованным лицам понятно.

– Конечно, Валерий, – улыбнулась она Уварову, – здесь ты командир, я только передала, что полковник Ляхов сказал. Он ещё добавил: «А впрочем, пусть делает, как хочет. Его задание, ему и решать».

Уварову показались не совсем убедительными слова дамы, которая по многим позициям явно была главнее не только Ляхова, но и самого Чекменёва, уж слишком уверенно она держалась.

– Я бы хотел переговорить с полковником лично. Это возможно?

– Почему бы нет? Через десять минут...

Уваров никогда бы не пошёл против прямого приказа командира, но у него уже был – отданный Тархановым. А сейчас Сильвия как бы отменяла его «в вольном пересказе» и от лица человека, формально ему начальником не являвшегося. Ни прямым, ни непосредственным. Так что вполне можно проигнорировать. Не впервой. Хотя, конечно, осложнять отношения с Вадимом Петровичем ему очень не хотелось по многим обстоятельствам.

Он ничего не имел против того, чтобы немедленно вернуться домой всем составом, но отправлять Волынскую одну в чужой мир не хотел категорически. Его бойцы приучены действовать как минимум двойками, причём – сработавшимися. И пусть постоянной напарницей Кристины чаще всего была Герта, любая другая из пятёрки тоже сойдёт. Значит, он будет добиваться у Ляхова, чтобы позволил дать в поддержку Волынской... Кого?

Он посмотрел на Анастасию. Та сразу поняла и показала глазами на Верещагину. Значит, так тому и быть. Взводный всегда лучше комбата знает, кого к какому делу приставить. А дела амурные – кому о них ведомо? Если Вельяминова решила поручить поддержку Кристины подпоручику Верещагиной – так тому и быть. А уж он, если придётся, будет до упора настаивать на полной рациональности своего решения. Тарханов ведь согласился выполнить просьбу Фёста о выведении из операции и передаче в его подчинение Вяземской? И Секонд не возражал...

На самом деле ничего доказывать и настаивать на своём не пришлось. Не совсем даже вслушиваясь в заготовленные Валерием доводы, полковник Ляхов, явно озабоченный другим, просто пожал плечами:

– Да мне какая разница? Мне, главное, ты срочно нужен. Прямо сейчас...

И вдруг, уловив хвостик мелькнувшей по краю сознания фразы, насторожился.

⁶ Майя – в древнеиндийской философии категория, скрывающая истинную сущность мира и одновременно позволяющая постигнуть реальность во всей её полноте.

– Постой, постой... Это тебе что же, Сильвия Артуровна такого рода приказы начала отдавать? Мол, именно одну Волынскую отправь... Так?

Валерий подтвердил, что так и есть.

– Забавно...

Ляхов побарабанил пальцами по столу. Была у него такая привычка, отчасти заменяющая другую – при каждом умственном затруднении закуривать.

– Вот тебе и домашнее задание, господин начальник штаба. Чтобы не забывал, что тебе не только девок по плацу гонять положено, а и стратегически мыслить моментами. Что на самом деле подразумевала и на что рассчитывала наша миледи, влезая вдруг в совсем её не касающуюся тему? Догадайся и при встрече доложи...

Вследствие этого обмена мнениями почти счастливая Марина и осталась помогать подруге «обеспечивать безопасность Ибрагима». Впереди её ждала очередная незнакомая Россия и романтические перспективы. Не то чтобы она имела на будущее сколько-нибудь серьёзные виды, но всё равно интересно. Двухлетней девушке намёк на ту самую, пресловутую «любовь» (в самом чистом значении) – всегда повод для водопада воображений.

Анастасия, в какой-то мере определяя грядущую судьбу подруги, задумалась – а ведь только у неё с Уваровым получилась любовь светлая, беспроblemная и, как бы поточнее выразиться, – закономерная, «правильная». Встретились, посмотрели друг на друга, что-то такое почувствовали. И спокойно, шагок по шажку начали сближаться... Она очень нервничала и, как бы ни смешно это звучало, – «стеснялась». Себя, его, своих чувств. У всех остальных, кроме Инги, до сих пор вообще обделённой мужским вниманием, выходило что-то странное. Их «объектами» стали мужчины, что называется, «с трудной судьбой». Хотя и достойные во всех отношениях.

Теперь, похоже, у Марины тоже что-то может *случиться*...

...Дальше всё пошло неожиданно быстро, почти как в режиме «перемотка» видеоманитона. Подняли благополучно проспавших главные события ночи лётчиков и Ибрагима. Позавтракали (а кто-то и поужинал), за столом обсудили предстоящие действия. Пилоты с «Буревестника» так по-настоящему и не поняли, куда, как и зачем они *прилетели*. Много интересного увидели, неожиданные подарки от странных хозяев получили. Подошёл к ним тот капитан, что встречал их вчера на пирсе, и каждому вручил часы «от главноначальствующего», вроде бы обычные «Штурманские», но в золотом корпусе и с дополнительными циферблатами, показывающими почти всё, что угодно. Особенно лётчикам понравилось, что при нажатии третьей сверху кнопки высвечивались координаты «точки стояния» до долей секунд широты и долготы.

Затем Джинджер сказал, что автомобиль у крыльца и готов отвезти экипаж к гидроплану для предполётной подготовки. Вторым рейсом заберёт остальных.

Сегодня этот парень выглядел точно так, как и там, на пирсе. «Смена власти» никак на «офицере» не отразилась. Команды он получал напрямую от «управляющего процессора», определявшего, кому «эффектор» должен безоговорочно подчиняться. Сейчас список имён и образов несколько изменился, тот, кто недавно был для него «царём и богом», получил лишь *третий приоритет*. Вполне естественная «придворная ситуация». В человеческой истории, которую Джинджер знал (точнее, мог знать в нужных случаях во всей условной полноте), случались и более суровые рокировки. Но межличностные взаимоотношения повелителей никаким образом не касались оставленных «при исполнении» функционеров. Бывших гвардейцев бывшего «кардинала», ассоциативно выражаясь.

За ними начали подходить и главные действующие лица. Девушки, вновь принявшие милый и домашний облик, в платьях, приготовленных для светской жизни в Царьграде, Севастополе и Харькове. Сильвия начала «предполётный инструктаж». Не ставя в известность

Катранджи, она уже предварительно предложила Басманову без всяких проволочек, отменив все прежние схемы дипломатической игры с «восточным клиентом», но и не давая турку повода своей сговорчивостью что-то лишнее о себе вообразить, подписать все необходимые бумаги, гарантирующие «ленд-лизовские поставки» по всему списку.

– Повода не будет, – скупое усмехнулся Михаил. – Мы против него двух евреев и одного армянина выставили. Сидят в Ливадии и ждут. Каперанг Исаков, он же Тер-Исакян, хоть сизмальства в Морском корпусе лоску набирался, а нашёл себя на административном поприще. Национальный характер никуда не денешь. Из пушек стрелять и эсминцами командовать каждый может. А вот ты попробуй добиться, чтобы все армейские интенданты и вольные купцы от Одессы до Батума от одного имени твоего трепетали и еженедельно свечки ставили за упокой души...

Жаль, что сейчас никого рядом не было, Фёста того же, чтобы удивиться несовпадению *настоящего* и *здешнего* Исаковых⁷.

– Вашего ассортимента не хватит – мы от себя подкинем, – пообещала Сильвия, быстро прикинув, что, если после завершения «Креста» начнутся массированные поставки современного оружия из нынешней РФ Олегу, много всякого добра высвободится в Российской императорской армии. – Но выглядеть будет, что всё равно от вас. В уплату требуют абсолютные ликвиды – золото, алмазы, другие камни. Большинство африканских, индийских и цейлонских месторождений под контролем «Интернационала». А вашим зарубежным партнёрам – лишняя головная боль, пусть гадают, что за особые каналы поставок возникли. Особенно англичане всполошатся, начнут у себя «протечки» искать. Нам это только на руку. Ты же слышал, что кое-какие негативные эмоции и тенденции способны через межвременные границы *просачиваться*?

Это Басманов знал, убеждался, и не раз, на личном примере. Да и как же иначе? «Советская» Гражданская война, где он сражался, потом альтернативная, потом мятеж в России Олега, англо-бурская, «новая и старая», наконец! Везде имели место отчётливые взаимопроникновения.

Пока слуги Арчибальда накрывали фуршет «на посошок», для «стременной» и «закурганной», валькирии, уезжающие и остающиеся, устроившись в стороне от «старших», болтали и болтали. Когда опять встретятся? Марина с Кристиной мыслями были уже не здесь, а в загадочном и почти сказочном Белом Крыму. Остальным девушкам предстояло что-то не столь экзотическое.

Арчибальд, кое в каких вопросах сохранивший свободу воли, решил хоть частично выполнить свои обещания, данные им (а им ли?) ещё в другом качестве и с другими целями.

Каждой из девушек он преподнёс довольно большие и тяжёлые (как средневековая рукописная Библия примерно) сафьяновые, с золотыми (лучшей в мире 96-й пробы) углами, ручками и замками ларцы. А внутри, на мягком разноцветном бархате – комплекты ювелирных украшений немыслимой красоты, ценности и древности. Кольца, перстни, браслеты, серьги, колье и диадемы.

Причём – вот что значит аристократизм (пусть и искусственный) и неограниченные возможности – гарнитуры своим дизайном, фактурой, цветом и сортами камней точно соответствовали знаку Зодиака, внешности, цвету глаз и, главное, ещё не совсем раскрывшимся вкусам и характерам каждой из девушек.

Замку, сумевшему воссоздать до мельчайших деталей, со всеми необходимыми корректировками личность Натальи Воронцовой, а потом переместившему её в исходное тело, это

⁷ Исаков (Тер-Исакян) И.С. (1894–1967) – Адмирал Флота Советского Союза, после войны начальник Главморштаба и зам. главноком ВМФ. Бывший «чёрный гардемарин» и мичман досрочного выпуска 1917 г. Автор многих интересных произведений, объединённых темой «Досуги старого адмирала».

не составило труда. Нет необходимости уточнять, что изделия были несомненными подлинниками и их цену на каком-нибудь «Сотбисе» трудно представить. Нигде на одной и второй Земле ничего подобного не найти и не заказать. Одно слово – неземная работа.

– Это мои вам свадебные подарки и будущие фамильные драгоценности, – сказал он засмущавшимся и впавшим одновременно в полный восторг девушкам. Они ведь стали настолько простыми и земными девчонками, что Анастасия не так давно задохнулась от внезапного счастья, получив от Уварова флакон обычных парижских духов... А это! При всех своих полученных от Катранджи капиталах они не могли купить, а главное – вообразить ничего подобного.

– Будете надевать – вспоминайте своего нового дядюшку, – сказал удивительно человеческим и даже растроганным голосом Арчибальд. Ещё чуть-чуть – и слезу пустит. – Впрочем, не горюйте, мы обязательно встретимся. И даже не раз.

Вельяминова вдруг пожалела, что с ними нет Людмилы и Герты, и теперь им наверняка будет очень обидно оказаться обделёнными. Но её опередила Инга и сказала об этом вслух.

Вместо Арчибальда ответила Сильвия:

– Вы заслужили, вам и подарки. А те барышни кое-чем другим вознаграждены...

– Нет, так не пойдёт, – если нужно было отстаивать не свои, а близких ей людей интересы, самая из всех скромная девица Вирён могла быть нестигаемо-упорной. – Кристина свой гонорар за Одессу на всех поделила, а мы?

«Вот и делитесь, если вам вожжа под хвост попала», – чуть не ответила Сильвия, но вовремя сообразила, что такая позиция её авторитета не прибавит. Мнение девчонок бывшей координаторше первого класса было сравнительно безразлично, но вот в глазах Басманова, Уварова да и Удолина ей совершенно не хотелось выглядеть бесчувственной, а то и просто завистливой (да, да – завистливой!) стареющей матроной.

Она едва заметным движением лица отдала Арчибальду команду. Её *приоритет*, как абсолютной госпожи, наряду с Антоном, Воронцовым и другими «первопоселенцами» Замка в его иерархии был первый. У Басманова, Удолина, а теперь и пятерых валькирий – только второй.

Арчибальд вышел и ровно через минуту возвратился с ещё двумя ларцами. Что показалось валькириям в очередной раз странным – он ничего не спросил о личных качествах и даже именах тех, кому подарок предназначался. Но на их крышках, как и в элементах оформления самих украшений, присутствовали монограммы владельцев, иногда весьма причудливым образом стилизованные. Откуда бы сотворившей подарки силе было знать, что в Москве остались именно «Л.В» и «G.W»? Очевидно, мыслеформа Вельяминовой (или Вирен) была достаточно яркой, чтобы Замок её уловил и материализовал.

«Так девушки скоро и саму миледи обгонят, – подумал прежде всех обративший внимание на эту тонкость Константин Васильевич. – Да, пожалуй, уже обгоняют. Особенно если я с ними ещё поработаю».

– Вот уж приданое так приданое! – от всей души воскликнул Удолин. – И мне кажется, это не только *побрякушки*, есть в них ещё какие-то тайны. Правда, Арчибальд?

Робот развёл руками с таким видом, будто просто не понял вопроса. Что приказали *свыше*, то и подарил. Не сам же он отливал, чеканил, гранил и паял. И тайны – не по его части.

Сильвия, единственная, кто мог наблюдать за происходящим отстранённо, заметила взгляды, которыми обменялись Уваров с невестой, порозовевшие щёки Марины, тонкую, едва заметную усмешку, на секунду скользнувшую по губам Кристины.

– Одним словом – счастливого пути и нам, и вам! – провозгласил Удолин, несколько даже торопливо поднимая бокал.

Остающиеся Сильвия, Уваров и три валькирии распрощались на пирсе с друзьями и подругами, проводили глазами взлетевший и почти тут же исчезнувший из глаз гидроплан. Впятером они уместились в один «Виллис». Валерий за рулём, Сильвия рядом, Настя, Мария, Инга устроились сзади. Так на этих, единственно подлинных «Джипах»⁸ лихие бойцы ездили в войну – кто-то на узком сиденье посередине, а остальные на обитых дерматином подушках поверх колёсных ниш, свесив ноги наружу через борт. Очень даже весело, и в случае необходимости, особенно если в машину набьётся человек семь-восемь, да все с «ППШ» или «Том-сонами» – обеспечен мощный круговой огонь при внезапном нападении. На заявленных спидометром шестидесяти милях в час так, конечно, не поездишь, но на обычных фронтовых двадцати – вполне.

Теперь им спешить было некуда, и в ту и в другую Москву они смогут перейти в любой нужный им день и час. Как в далёкие уже времена, когда всем здесь распоряжался Антон и Сильвия попала сюда в качестве пленницы, довольно быстро ставшей одной из равных, каждая дверь в отведённом людям крыле Замка могла открыться в любое освоенное пространство-время. В неосвоенное, впрочем, тоже, только с «непредсказуемыми», как любят последнее время выражаться политики и «эксперты», последствиями. В этом некогда лично убедились Новиков с Шульгиным⁹. Для управления возможностями Замка достаточно было простого желания, высказанного хоть словами, хоть мысленно.

Сильвии нужно было всё же отлучиться в Лондон, где до сих пор ждал её Берестин. Завершить кое-какие неоконченные дела и забрать оттуда Алексея. Начавшиеся в Москве события наверняка придутся ему по вкусу, он ведь уже начал забывать свою основную, военную профессию. Пост министра обороны в обновлённом российском правительстве ему предлагать, конечно, не стоит, не то время.

Это после Октябрьского переворота, возникнув словно ниоткуда, наркомвоенморам и командармами становились такие *яркие революционные таланты*, как Троцкий или Фрунзе, никогда вообще не служившие в армии, или мичманы и прапорщики военного времени.

Сейчас незачем давать народу неудобоваримую пищу для размышлений, да и излишнюю вдобавок. Всё же нужно стараться «не умножать сущностей сверх необходимости». А вот главным военным советником при командующем «ограниченным контингентом», вводимым из императорской России в РФ, он вполне сможет послужить в первый, самый сложный и *турбулентный* период.

Уварову и оставшимся при нём девушкам миледи подробно разъяснила, каким образом они смогут провести время до её возвращения, не прибегая к помощи Арчибалда. Слишком много неожиданных тайн хранил Замок, и пытаться постигнуть их «с налёту» действительно не стоило. Если с блок-универсалом обошлось, не значит, что и следующий раз повезёт.

– Вам здесь наверняка понравится. Ещё и уходить не захочется. Теперь бояться нечего, а узнать, увидеть и попробовать можно многое, – сказала Сильвия. – Здесь не столько коммунистический принцип «каждому по потребностям» действует, сколько библейский: «Стучите – и откроется, ищите – и обрящете, просите – и дастся вам»...

⁸ Эти армейские машины («Форд», «Виллис», «Бантам») обозначались аббревиатурой «GP», «general purpouse», т. е. «общего предназначения». Сейчас американские производители отчего-то пишут на капотах совсем других машин – «Jeep».

⁹ См. роман «Бульдоги под ковром».

Глава вторая

– Для начала нам с вами проехать кое-куда придётся, – сосредоточенно глядя между Фёстом и Людмилой, сказал майор, вернувшись за столик после очередного телефонного вызова. – Часика через полтора-два примерно. Там с людьми, кто под руками окажется, встретимся, поговорим. Ты им политинформацию прочитаешь, заодно и сам сообразишь, чем народ дышит.

До какого-то его *старшего товарища* информация дошла, подумал Фёст. И что этот или *эти* товарищи хотят? Убедиться в его *серьёзности*, поставить свои условия, что же ещё? Уж с заговорщиками у них никаких общих дел быть не может, если, конечно, эти люди не на том уровне, о котором и Стацюк не знает. Ну, посмотрим.

– Далеко ехать?

– Да не слишком. В район «Автозаводской», а там совсем рядом. Поедете?

– Почему бы не поехать?

– Только тогда так – никуда больше не уходите, возле меня держаться будете. Понятно? И телефоны не включаете.

Фёст усмехнулся, как и полагалось хорошо воспитанному полковнику, услышавшему бестактную глупость от майора.

– Понятно, да не совсем. Это ведь мы тебя хотим в дело взять, нет? Со всеми моральными и материальными стимулами. Деньги брал и опять не отказался. А нужно бы было, если «по понятиям». Ну и? Что дело опасное – никто не спорит, поэтому идею посоветоваться с друзьями вполне приветствую. Но вот чтобы ты мне свои правила диктовал – это уволь, Борис Иванович. Не говоря обо всём прочем, я и званием тебя постарше, и по другим параметрам. Это так, к слову, чтобы недоразумений впредь не возникало. Надо будет мне отсюда выйти – выйду. Позвонить – позвоню. Насчёт мер безопасности сам думай. Вот как раз сейчас и выйдем с Людой, тоже позвонить. У меня секретов куда больше. А ты пока перекусывай и в окно поглядывай, мы вон там, под навесиком устроимся. В поле зрения...

– Да, кстати, Борис Иванович, а мои напарники, Эдик с Гришей, на встрече будут? – с подкупающей наивностью спросила Вяземская. – Они-то меня в *общем деле* видели, неужто вы и им не доверяете?

– Может, и будут... Там уже не я решаю, – постарался не уступить консьерж. – Кстати, Петрович, ты, помнится, майором назывался, а сейчас... Случайно сорвалось или как?

– Случайно только школьницы залетают, – при этих словах Вяземская демонстративно поморщилась, но промолчала. – А мне чего ради было откровенничать? Теперь – другое дело. На, смотри...

Он протянул майору удостоверение полковника ГРУ и заодно ещё одну книжечку. Борис Иванович заглянул, присвистнул тихонько.

Неслабо, конечно – Герой России Ляхов Вадим Петрович, все печати и подписи на месте. Фёст не считал, что уподобляется тем, кто купленные в известных местах чины и ордена носит. Он сделал ровно то же, что Секонд, и с Александром Ивановичем, куратором, условлено было, что они, аналоги, в одной пропорции беды и заслуги делят. А если нынешняя власть не в курсе, так не её, *этой власти*, забота. Как тогда на перевале *другой*, в этом мире не выживший Тарханов пел: «Россия нас не балует ни славой, ни рублём, но мы – её последние солдаты...»

– Совсем здорово. Уважаю, – сказал консьерж. – И за что?

– По совокупности, – не стал распространяться Фёст, хотя майор, по идее, мог и даже должен был бы слышать про их не такой давний бой в ливанских горах. Но раз не вспомнил, и фамилия ему ничего не сказала – так тому и быть.

– Сейчас по-прежнему на службе?

- Нет, я же сказал. Действующий резерв. На такой вот, как сегодня, случай.
- Хорошо, хорошо, – повторил майор, и видно было, что мысли его приобрели несколько другое направление. – Но съездить всё равно придётся...
- Так мы разве против?

Во внутреннем дворике, откуда были видны окна квартиры, Вадим с Людой присели за столик под черепичным навесом, закурили.

- Ты чего-то опасешься? – спросила Вяземская. – Чего?
- Не так, чтобы очень, но всё равно. «Время вывихнуло сустав». Кто сказал? Гамлет. У нас – аналогично. Вполне может просто для убедительности какая-нибудь *демонстрация силы* понадобиться. Никто никого пугать не собирается, я так думаю, но очень Борис Иванович (или кто постарше) беспокоится, не развожу ли я его. Вполне естественное чувство. В таких-то обстоятельствах. Я не знаю, кто и что ему по телефону сказал, но *кто-то* у них уже в курсе происходящего. Теперь его друзьям нужно понять, как всё обстоит на самом деле, вмешиваться или нет, стоит ли игра свеч, а выигрыш – голов. И – за кого меня держать. Это тоже существенный момент. За чужой стол со своими раскладами не садятся... Вон официант в углу скучает, пива ему закажи, чего зря сидим, спросит скоро.

Вадим достал обычный сотовый телефон, к блок-универсалу прибегать пока необходимости не было. Набрал городской номер, но с совсем не московским количеством и сочетанием цифр. Из одной реальности в другую через внутриквартирный межвременной коммутатор. Такую связь здесь ещё Лихарев в двадцатые годы наладил. На третьем звонке трубку взяла Герта.

- Как там у вас? Гости не скучают?
- Ничуть. Сидят в гостиной, очень много курят, спорят... Журналист с Володиным чуть не подрались. А у вас что-то случилось?
- Ничего экстраординарного. Тоже сидим, пиво пьём. Набери по городскому Секонда, скажи – «Форос пошёл». Пусть срочно, буквально «аллур три креста»¹⁰, поднимает в ружьё два отделения из вашего взвода, он знает какие. Может и сам их привести, если развеяться есть настроение и обстановка позволяет. Я бы одобрил. Форма одежды девчат – штатская, разнообразная, прогулочно-походная. Снаряжение – для скрытных боевых действий в городе этой ночью. Большой войны не предполагается, но так, патронов по триста на ствол, по несколько гранат и спецсредства пусть прихватят. На всё – полчаса, край – сорок минут. Когда придут, пойдёшь с ними, если хочешь. Я ж без тебя никуда, сама знаешь, – вроде как пошутил Фёст, но на самом деле Герта ему здесь была гораздо нужнее, чем для присмотра за Мятлевым.
- Мы вас «У Гиляя» ждём, можешь в окно выглянуть. Для присмотра за гостем... оставь кого-нибудь поддипломатичнее...

Эти слова баронесса приняла скорее за похвалу, чем за упрёк.

- Ясно кого. Скажу Секонду, пусть Яланскую из второго взвода возьмёт. В рядовые ей уже не по чину, а «старшей по гарнизону» – как раз. При таких гостях! Да ты и сам бы её назначил, я помню, очень ты её хвалил после очередных «зачётов», – не задумываясь, ответила Герта, давно уже говорившая Вадиму с глазу на глаз на «ты». Ляховы вообще не любили чопорности и официальщины, употребляли это самое простонародное «ты» при каждом допуске широко толкуемыми правилами этикета случае.

- Это правильно, молодец. И местная, и в таких сферах вращалась... – Он действительно помнил названную барышню. Ничего удивительного, одна из самых симпатичных в

¹⁰ В XIX веке и раньше, когда большинство солдат было неграмотно, ординарцу или вестовому вручался пакет, на котором рисовались крупные кресты, означающие экстренность доставки. «Три креста» – значит, гнать коня изо всех сил, галопом или карьером, не считаясь с риском, как можно быстрее и любой ценой.

роте, не считая валькирий, естественно. У неё кто-то из близких родственников в высоких чинах состоял, и сама она, высокая, темноволосая, с подчёркнуто стройной фигурой, Галиной её зовут, до поступления на нынешнюю службу весьма на балах блистала, а одновременно на всевозможных соревнованиях по «офицерскому пятиборью»¹¹ первые призы брала. И до поры две эти её жизни почти не пересекались. Пока Секонд не начал девичью роту «печенегов» формировать.

– А ты, командир, не боишься, что Яланская под шумок Президента вашего соблазнит? Она, кстати, легко сможет. И что тогда?

От того, что предстояло очередное *дело*, настроение у валькирии поднялось, она даже принялась язвить и острить.

– Это будет их совершенно личное дело. Лишь бы в рамках устава караульной и гарнизонной службы. Проинструктируй от моего имени. И Леонида своего не вздумай сюда брать, как бы не нарывался. Он хоть и местный, но сейчас ему тут совершенно нечего делать.

– Слушаюсь, господин полковник. Мне бы больше понравилось, если б Волович за ней приударил, – вдруг хихикнула Витгефт.

– Жестоко. С её открытой натурой Галина может не просечь, что в нашем мире он просто хам развешившийся, а не *звезда*... Ладно, хватит шуточек. А то много себе начала позволять, *спасительница*...

Это у них тоже была как бы игра для двоих. Взаимной любви на почве этого самого спасения не вышло, но взамен Герта завоевала права как бы младшей сестрёнки, которой многое позволено, несмотря на её моментами очень откровенное ехидство. И у баронессы хватало ума никому, за исключением Вяземской, такой тип отношений не демонстрировать. Людка не ревнивая, точнее, настолько уверена в себе, что соперниц не боится. Мол, или он её выберет в жены, или так до смерти в холостях проходит. Знает она, видишь ли! Эти слова Вяземской Герта, между прочим, Вадиму дословно пересказала, да ещё и со своими комментариями. В силу тех же отношений.

– Не беспокойтесь, господин полковник. Ни за Воловича, ни за остальных. Как примет, так и сдаст, по описи. Остальное тоже будет исполнено в точности. Через вахту как прикажете проходить?

– Обычным образом. Впрочем, я встречу. Будешь готова – одним импульсом просигналь Людмиле на блок. Без звука. А я с улицы световым сигналом отвечу. Тогда стойте у двери и ждите.

– Есть!

Сразу после Московского путча, имевшего целью не допустить воцарение Олега и подавленного только с помощью белых офицеров Югороссии, Фёст с Секондом, да и Тарханов, впечатлённый агрессией чеченских и бандеровских боевиков из *параллели*, согласились, что им крайне необходимы собственные подразделения, способные работать в другой России, Москве прежде всего. Что-то вроде «городских партизан», в стиле шестидесятых годов, группы Баадера – Майнгоф¹² с их «Красной Армией». Там, кстати, процент женщин-террористок был весьма высок, как и во многих других радикальных движениях. А в Россиях, что одной, что другой, таких экстравагантных «любителей странного» не счесть. От изысканных Засулич и Перовской до отвратительных Каплан и Землячки. А всякие атаманы Маруськи? И так далее.

¹¹ «Офицерское пятиборье» – почти то же, что у нас называется «современным». Включает стиль-чез, стрельбу (из винтовки на 100 м и пистолета на 25 м), фехтование на саблях, плавание, бег на 3 км.

¹² Баадер Андреас, Майнгоф Ульрика – организаторы левачкой «Фракции Красной Армии», террористической организации, ставившей целью «свержение капитализма в Западной Европе». Действовала в ФРГ и Западном Берлине в 1970–1972 гг. После ареста организаторов «РАФ – Роте армее фракцион» прекратила свою деятельность. Баадер и Майнгоф умерли в тюрьме при невыясненных обстоятельствах.

Тогда и родилась идея укомплектовать хотя бы одно подразделение по «половому признаку». Ведь для подавляющего большинства населения женщины по-прежнему не выглядят источником опасности, кроме разве мусульманских шахидок. А раз так, то и на государственной службе, по другую сторону баррикады, «дамский спецназ» имеет целый букет технических и психологических преимуществ. Некоторое количество девушек и молодых женщин окажутся куда эффективнее мужских групп. На них если и будут смотреть, то с понятными мыслями и чувствами, почти любые их ошибки поведения, вызванные недостаточным знанием местной специфики, *проскочат* куда легче, чем у крепких парней «призывного возраста». А каковы они в бою – на собственном опыте знает почти каждый женатый мужик, имевший несчастье навлечь *серьёзный* гнев своей «благоверной».

Чекменёв, а за ним и Император согласились с этим предложением и первое же боевое использование валькирий, как девушек сразу же начали называть с лёгкой руки Фёста, доказало их высокую эффективность. Достаточно сказать, что им обязаны жизнью и сам Чекменёв, и Ибрагим Катранджи, лидер «Чёрного интернационала». После этого первый взвод был развёрнут в полноценную роту численностью сто двадцать человек, и Секонд с Тархановым подумывали о создании ещё трёх. Претенденток хватало, хотя требования к ним превышали таковые в самых элитных подразделениях любого спецназа мира.

За истекший год семёрка валькирий и ещё три отделения их подруг, всего сорок человек, прошли дополнительную, весьма солидную и крайне секретную подготовку для *зафронтowej разведки*, проще говоря – работы в параллельной реальности. Девушки наизусть запоминали все отличия в политическом устройстве, перемены в городской и подмосковной топографии и топонимике, номера практически всех автобусных, троллейбусных и трамвайных маршрутов. Практиковались в вождении машин по московским улицам, метро знали так, словно по несколько лет проработали в тамошней службе безопасности движения. Знали, что почём в магазинах, как разговаривать с обычными гражданами, представителями органов власти и криминалитетом. Научились не ошибаться в границах приемлемого насилия при самозащите, умели прикинуться хоть девушками из консерватории, хоть «ночными бабочками», интуристовскими и даже «плечевыми».

Впрочем, по мере того, как события путча отодвигались в прошлое, подёргивались, так сказать, патиной прошлого, руководство к «девичьему межвременному спецназу» охладело, и все заботы и прелести командования этим «патрулем времени», как назвал спецвзвод Фёст, легли на его и на Валерия Уварова плечи. И дело не только в личной заинтересованности. Отважный граф, сам проявивший героизм при спасении Императора, а потом и руководивший одесской операцией, верил в своих «девочек» безоговорочно и не сомневался – придёт время, и они себя так покажут...

Зачёты по «спецподготовке» принимал сам Фёст, и ни одна курсантка не провалила главного испытания – прожить в Москве РФ неделю без денег и документов и вернуться на базу целой и невредимой. «Разборы полётов» потом, конечно, были, но в основном для корректировки допущенных ошибок «нефатального» характера и «обмена передовым опытом».

Особо эта работа активизировалась, когда пошёл в разработку «Мальтийский крест». Тут каждый из *причастных* сообразил, что кадров сначала нелегальной, а дальше видно будет, работы потребуется много. И соответствующие службы над этим работали.

Вот сейчас и пришло время. Фёст решил для прикрытия своих контактов с новыми союзниками (если они, конечно, пойдут на союз) использовать только два отделения, как бы «головной дозор». А остальная рота вместе со всей бригадой «печенегов» пойдут следом.

Фёст с Людмилой вернулись в зал. Майор безмятежно ужинал, довольный, что ещё пару тысяч рублей может сэкономить. Даже с учётом чаевых не сильно похикуешь на зарплату охранника и офицерскую пенсию. После знакомства с Фёстом полегче стало, но всё равно. Вот он и заказывал от души, и выпивал не абы что, а «премиумную» водку.

Снова увидев «жильца с племянницей», вскинулся, но Фёст его успокоил:

– Не спеши, не спеши, Иваныч. Я так понимаю, неплохо бы темноты подождать, а то по свету я не очень люблю. Хрен знает, может мы тут с десяти точек обложены, и как поедem – нас двадцать машин поведут...

– Сомнительно, но, в общем, верно. По сумеркам лучше начинать. Тогда давай, присоединяйся. Я давно хочу с Людочкой выпить. Очень мне интересно, сколько ей, в натуре, лет и где служила...

– Девятнадцать, дядя Боря, девятнадцать, всё остальное макияж. И кроме средней школы ничего не заканчивала...

– Ну да, средней спецшколы для детей с задержками развития...

Вяземская вежливо улыбнулась. Не поняла юмора, наверное. Кое-какие моменты в русском языке сами по себе, без контекста, звучат непонятно, тем более иностранцам или русским, но с другим жизненным опытом.

– А выпить мы в любом случае можем, дядя не запрещает, я уже взрослая, даже замуж собралась, – и короткий выстрел взглядом в сторону «жениха» из-под взмаха ресниц: среагирует, или как?

– Не рановато ли? – приподнял бровь консьерж, и не совсем понятно было, что он имеет в виду, выпивку или замужество. – Но – дяде виднее...

Час пролетел незаметно в разговорах как бы нейтральных, в том смысле, что касались они общей обстановки в стране, а не конкретно предстоящей *встречи*.

Потом наконец Вяземская толкнула Ляхова ногой под столом. Он кивнул.

– Ладно, Людок, ты здесь ещё посиди. Чужие парни приставать начнут – вежливо отшивай, «без шума и пыли», как Папанов в кино говорил. А мы с Борисом Ивановичем отлучимся на короткое время, – сказал Фёст, вставая. Майор пошёл за ним к выходу из дворика.

– Что у тебя?

– Так, дельце одно, вспомнил вдруг, – ответил Вадим, закуривая и одновременно условными тремя вспылками зажигалки подтверждая Герте или кто там сейчас смотрит в окно, что всё идёт по плану и что он начинает действовать.

– У тебя на вахте один помощник сейчас? – спросил он майора.

– Один, а зачем больше?

– Да вроде и незачем. Ты вот что, дай ему сейчас денежку, – Фёст протянул стодолларовую бумажку, – пусть до обменника с хорошим курсом пробежится. Ну и прикупит чего-нибудь вам перекусить для пересменки. Ты ж его обедать-ужинать в кабак не отпускаешь?

– Точно, – консьерж всё больше напрягался, не в состоянии уловить ход мысли собеседника.

– Вот пусть не стесняется, возьмёт, что нравится. И не торопится особенно, минут тридцать у него есть. А сам давай, занимай его место, отключай видеорегистраторы и выходи ко мне снова. Минут на пять хотя бы...

– Зачем это вдруг?

– Квартиры я соседние собрался грабить, неясно, что ли? Удивляешь ты меня, командир. Ладно, скажу доступнее – в течение этих пяти минут в подъезд войдут или из него выйдут несколько человек. Мне сейчас не нужно, чтобы их видел даже ты, не говоря о тех, кому записи на проверку сдаёшь...

– Слушай, как-то не по делу всё это. Темнишь?

– Как раз сейчас истинную правду говорю. Мы ж на войне, и неизвестно, доживём до утра или... Чего тут неясного – я не хочу, чтобы именно сейчас кто-то видел моих гостей и смог их пересчитать, – почти по слогам ответил Фёст. – Теперь доходчиво? У тебя свои секреты, у меня свои. Вот, даст бог, разберёмся сегодня окончательно – на что я надеюсь, – тогда и взаимных тайн поменьше станет. А то ведь не ты один головой рискуешь, я – в гораздо большей степени...

– Пусть так. Но как же я регистратор выключу, сразу же на записи дырка по времени выйдет...

– Если у вас так всё сурово, сделаем по-другому. Иди с племянницей ещё по одной выпей, а я просто предохранители в коробке на лестнице перемкну. Ты прибежишь не раньше, чем через десять минут, как свет в окнах погаснет, и вызовешь аварийку электросетей. Приедут, починят, вызов в журнал запишут, и ты тоже, в свой. Вот тебе и алиби. Годится? А если жильцы нервные раньше начнут тебе на вахту звонить, я отвечу.

– Ну, если так надо... – с сомнением протянул майор. А куда деваться. Что там за разговор будет, в том месте, куда он *беспокойного жильца* везти собрался, время покажет, а деньги-то он уже взял. Хотя бы в этих пределах нужно пожелания *клиента*, а то и будущего начальника, исполнять. Тем более продумано всё отчётливо. Другое дело, что страшно хотелось ему посмотреть, что ж там за гости такие? Раньше, за весь прошлый год и почти весь этот, сколько раз Вадим Петрович людей к себе водил, и обычных *девок*, без всякой маскировки под *школьниц-племянниц*, и мужиков серьезных. Сейчас что-то изменилось? Стоит подумать. Да, к чёрту, о чём тут думать? Что нужно – скажут, чего не положено – всё равно не узнаешь, а неприятностей огрести можно...

– Так я пошёл?

– Само собой. Парня отошли и – к «Дяде Гиляю». Через три минуты после твоего ухода я вырубаю свет, значит, через двенадцать будь на месте. Как раз то время, чтобы опытный привратник убедился, что самому не справиться, и вызвал аварийку. И всех делов...

Фёст сделал, что планировал, и бегом взлетел на свой этаж, подсвечивая под ноги фонариком из блок-универсала. Сумерки были уже очень густыми, да и сколько там остаточного света проходило через темноватые даже в солнечный день витражи? Герта ждала на пороге.

– Быстренько выводите людей, пять минут у вас, рассредоточьтесь вдоль переулка и ждите. А мне ещё инструктаж провести...

Впрочем, с этим можно и не торопиться, в положенное время майор заступит на пост и станет ждать электриков, потом разбираться с ними. В лучшем случае в полчаса едва уложатся.

Первым из двери вышел Секонд, за ним, цепочкой, тринадцать девиц из взвода Вельяминовой. Плохо, самой командирши нет, ну ничего – полковник Ляхов её как-нибудь заменит, авторитета у него хватит, чтобы этих опасно-безобидных на вид пантер в руках держать. Фёст бы с ними точно справился, он для барышень авторитет непререкаемый, только сегодня ему некогда. Секонд – старший воинский начальник, а Герта – за взводную.

Кстати сказать, если б её вместо Анастасии на этот пост назначить – барышни бы взвыли. Та ещё штучка. Не зря в министерши госбезопасности всей РФ метит. На равных с самим Чекменёвым желает стать. А что, у неё получится. Екатерина Вторая тоже совсем сопливой девчонкой из своих Ангальт-Цербстов в Россию приехала, в пятнадцать лет, в цесаревны наниматься, а потом быстренько в обстановке разобралась и всех «буквой Зю» поставила. Генералов, царедворцев, князей-Рюриковичей, русаков исконных, а муженька вообще того... В пресс-релизе написали – «Государь Пётр Фёдорович июля шестого дня сего тысяча семьсот шестьдесят второго года скончался в Ропше от геморроидальной колики, усугубленной употреблением алкоголя...». Просто и мило. Могли бы завтра и про Президента нашего что-то в этом роде написать.

Герта вышла последней, одетая подходяще почти на любой случай. Джинсы, такая же курточка, обтягивающая тёмная водолазка. И не заметишь, что под ней бронекорсет. На ногах лёгкие кеды, рюкзачок за плечами, волосы в «конский хвост» собраны. Сейчас две трети её ровесниц из самых разных социальных групп так ходят, если не в ночной клуб, конечно. С ней – поручик Яланская, действительно видная, словно с парадных портретов начала XIX века, девушка лет двадцати пяти. Эта, предупреждённая, что работа ей предстоит «гарнизонная»,

да ещё и по «присмотру» за гражданскими мужчинами, оделась, что называется, «на грани» – вроде всё пристойно, но всё слегка «чуть-чуть». Юбка совсем немного, но покорооче общепринятой длины, ткань типа «мокрый шёлк» облегает рельеф крайне выразительно, вырез на груди совсем немного поглубже. Золотистые чулки со швом тоже кое-что подчёркивают. В Москве Фёста она бы особого внимания не привлекла, здесь и не такое видали, свобода нравов, что вы хотите, а у себя барышня смотрелась такой суфражисткой, что в XIX веке в обществе в брюках появлялись. В её России правила приличия были примерно как для голливудских фильмов конца сороковых годов: платье ветер не имеет права поднять выше, чем на ладонь от колен, если случайно мелькнёт застёжка чулка – уже почти фурор, никаких купальников-бикини, только глухие, поцелуй в кадре максимум две секунды. Зато в таком наряде никто не подумает, что девушка почти три года откомандовала взводом «очень специального назначения» и ждёт назначения на роту или, в крайнем случае, *очень удачного* замужества.

Вообще, подумал Фёст, девушки «местных» взводов и отделений, хотя и отличались от валькирий (если тех и других рядом поставить), были тоже весьма своеобразны. Сильно сексапильных красавиц, как бы случайно затесавшихся в их ряды, вроде, допустим, Глазуновой или Темниковой, среди них было немного, но зато все в пределах среднестатистической симпатичности и миловидности. Если б не служба, в девках бы не засиделись. Но всё же, даже компанией появляясь на улицах, особенно в штатском, приступов оторопи у прохожих мужиков и парней не вызывали. Фёсту они напоминали девчат, которые в его молодые годы серьёзно занимались спортом, ходили в турпоходы, гоняли на мотоциклах. Типаж «свой парень», одним словом.

Вадим быстренько изложил поручице индивидуальный боевой приказ: тщательно оберегать «квартирантов». На улицу не выпускать, на эту половину квартиры доступ воспретить, кормить и поить неограниченно, скандалов и членовредительства между представителями разных политических взглядов не допускать. На все вопросы, кроме личных и общеобразовательного характера, отвечать: «Не могу знать, вот скоро господин полковник вернётся, он всё скажет». В случае необходимости разрешается обращаться напрямую, не по команде, лично к полковнику Неверову. Прямой телефон такой-то.

Яланская подтвердила, что приказ поняла, улыбнулась на прощание, одновременно «сделав глазки». Девушки-«печенежки» отчего-то все при встречах улыбались Фёсту, умело отличая его от Секонда. С разной степенью радости и даже обожания в глазах улыбались, но – все. Наверное, рассказы валькирий о совместной битве на генеральской даче их очень впечатлили, или так выражали своё одобрение тому, что выбрал в невесты одну из них, а не совсем постороннюю даму, как *их, настоящий* Ляхов.

Дверь закрылась, снова отсекая от Вадима мир спокойной, почти нормальной жизни. Стало темно, только фонарик в руке освещал площадку и полмарша лестницы впереди.

По секундомеру у майора оставалось ещё двадцать секунд, и Фёст, отойдя чуть в сторону, понаблюдал, как появился Борис Иванович, настороженно озираясь, будто надеялся всё же увидеть то, что от него хотел скрыть «жилец».

Ну, пусть теперь ждёт электриков, это ещё минут на сорок, в лучшем случае. Сам починил бы свет гораздо быстрее, но нужно документальное подтверждение причины отключения видеокамер. Фёст понимал, что такая перестраховка едва ли имеет смысл, но кто его знает? Сорвётся что-нибудь, и «новая власть» первым делом займётся политическим сыском. А эта квартира давно на примете, и у самых разных категорий граждан – от блатных авторитетов до МГБ, сталинского НКВД, милиции и иностранных разведок минимум трёх реальностей.

Вадим повернулся и фланирующей походкой двинулся в сторону Петровки. Первый подошёл к Герте, под ручку с Секондом рассматривающую выставленные в витрине меховые изделия.

– Значит, так, баронесса, идите вон в то заведение, садитесь с кавалером на веранде и ждите. А, чёрт, не выходит, – вдруг чуть было не хлопнул он себя ладонью по лбу. – Придётся мне подзадержаться, ещё кое-куда наведаться. А вы, главное, перед майором не светитесь. Пока его нет, подойдите к Людмиле, скажите – не замечай. Держись с этими девчатами, причём – вторым планом. Временно поступаешь под команду *своего* полковника Ляхова. Когда этот приказ будет отменён – сама поймёшь. Тест на сообразительность. Людмиле по блоку, текстом передай – если майор про меня спросит, пусть ответит, что сигарет пошёл в магазин на Дмитровке купить. Здесь в баре по вкусу не нашёл. И точка.

– А что это ты Герте поручения раздаёшь, а меня как и не видишь? – удивился Секонд.

– На реверансы времени нет. Ей сказал, сейчас с тобой определяться будем...

– Что ты ещё придумал? – осведомился он, когда Герта скрылась в калитке ресторана. – Вроде не так планировали...

– Обстоятельства имеют свойство меняться. Нас на какую-то довольно странную встречу пригласили. Похоже, там и решится, будет у нас квалифицированная помощь или, наоборот, где-нибудь в брошенном котловане и прикопают.

– Прямо так? И кто?

– Да консьерж мой, майор Борис. Сперва помогать согласился, а потом, похоже, начал просекать масштабы – и забеспокоился. Я его понимаю.

– Что и входит в твои прямые обязанности. От нас сейчас чего хочешь?

– Сейчас изложу. Пошли, чего стоять, посмотрю, кого ты привёл...

Полувзвод Секонда, как и было приказано, рассредоточился по обеим сторонам переулка от церквушки на пересечении с Петровкой до угла Дмитровки. Кто из девиц по одной – по двое просто прогуливались, кто у магазинных витрин о чём-то спорил. Ранее упоминавшиеся поручицы Глазунова и Темникова, которых он в роте выделял не только по внешности, но и по боевому опыту, как бы прикрывали фланги, контролируя противоположные входы в переулок.

Сейчас Фёста разобрал смех. Прямо сцена из итальянского кино эпохи неореализма – близнецы-сутенёры своих курочек вывели по рабочим местам распределять. Он сам ещё ничего, а вот Секонд с усиками шнурочком и небольшой бородкой-буланже – вылитый Педро Зурита в исполнении Михаила Козакова¹³.

Заложив руки за спину, они пошли вдоль нечётной стороны переулка. Нет, сказать нечего, за отведённое время девчата сумели вполне попасть в тему. Одни нарядились «под Герту», другие «под Яланскую», но с достаточными, вполне существенными отличиями. Внимания не привлекают, как кагэбэшники 70-х годов, которым штатские костюмы шил один и тот же мастер в служебном ателье, причём всем из одной и той же «штуки» в принципе стильной «шерсти с лавсаном». Ну а чего ж? Модные журналы *отсюда* кому положено получают, учебные и художественные фильмы смотрят. Если уж консультант, отставной капитан, а ныне *резидент-инструктор* Ляхов-Фёст за что берётся, так делает это основательно, так как смысл и *пользу дела* понимает. Без оглядки на начальственное мнение. Отчего вряд ли он в своей *эрэфши*, оставшись служить, даже через майорский рубеж перебрался бы. А вот *на той стороне* его охотно признают полковником и в вопросах подготовки личного состава для работы в своей реальности дан ему *чистый* карт-бланш.

У тех девчат, кто по-походному одет, оружие или под куртками, или в модных здесь рюкзачках. А точнее – и там, и там. Те, кто в платьях, плащах – у тех понятно, где, и ещё в хозяйственных и дамских сумочках. Он прикинул их вес. Надо девочкам тесных контактов с прохожими избегать, а то вид – видом, а инерция у этих сумочек соответствует реальной массе. Вполне может с ног хилого «менагера» или старушку снести при неловком соприкосновении в уличном потоке или на эскалаторе метро.

¹³ См. к/ф «Человек-амфибия», 1961 г.

Одна – совсем молодец, этакая из себя вся божемная девица, в очках даже, с футляром от скрипки-альта явилась, а в него свободно «ПКМ» помещается с боекомплектom и кое-что ещё сверх того.

Да, всё хорошо, только в зонах спецконтроля девушкам нельзя появляться, а по теперешней ситуации любое место такой зоной оказаться может. Хоть прямо у выхода из переулочка на Тверскую.

Он дошёл до обеспечивающей левый фланг (у Дмитровки) поручика Темниковой.

– Привет, Ариша, – улыбнулся он ей, будто случайно хорошую знакомую встретил. – Меня Вадик зовут, не забыла? – Это он, поскольку давно с девушками её взвода не встречался, напомнил, как их «в миру» называть следует. – А брата моего – Петя. Не перепутай. Документы хорошие у всех есть?

– Ну, я не знаю, все, что вы сделали для таких выходов. Паспорт здешний, в Бирюлёво прописанный, бумага с ИНН, страховая карточка, удостоверение водителя, права в смысле, – поправила она. – Что ещё нужно? Санитарной книжки нет, в ресторан или магазин устраиваться пока не собираюсь. «Визы» Сбербанковские, по двести тысяч на каждой... Наличность рублями, долларами и евро...

– Молодец, нормально. Только – на будущее, нельзя, чтобы на карточках у всех одинаковые суммы были. Сколько людей на такой мелочовке сгорело. Но именно сегодня – несущественно. Давай пройдишь до того угла и веди девчат, по одной, по двое, в этот вот трактир. Там уже Вяземская и Герта. Вы с ними незнакомы. Рассаживай своих за столики во дворе, будто вы на экскурсию в Москву приехали, из Костромы, допустим, и здесь у вас очередной объект осмотра и заодно питательный пункт. Доведёшь и вернёшься. Попутно Полину к нам направь. Мы с полковником на той стороне, возле пивного бара будем.

Подошла Глазунова, для забавы одетая чересчур вызывающе – высокие, по последней моде, сапоги на низких каблучках, под вид офицерских, чёрные чулки-сетки, чёрное обтягивающее платье а-ля Коко Шанель, сильно выше колен. Сверху расстёгнутый белый плащ с поднятым воротником, распущенные тёмные волосы. Только лицо и глаза выбивались из стиля. Развратности совсем не чувствуется, одна сплошная ирония, и взгляд слишком умный и внимательный. Ну да не беда. Может, она «в нерабочее время» в МГУ философию преподаёт.

– У тебя, Полина, права тоже с собой? – спросил он Глазунову, одобрительно ей подмигнув.

– У всех полные комплекты, я проверила, «регистрация» в порядке, московская, то есть прямо так сразу не загребнут. И денег достаточно, чтобы скромным блядюшкам от ментов отмазаться... Чтоб под юбку не лезли и «субботник» не устраивали...

– Ну, молодец, в стилистику вписалась. Хотя не пойму, в чём *сверхзадача* и *зерно образа*¹⁴.

– Всё вы понимаете, Вадим Петрович. У вас у самого, когда на меня посмотрели, где-то там ёкнуло. Физиология, ничего личного. Вот пока «ёкает», я с клиентом что захочу, то и сделаю... Проверено.

– Тогда пошли...

Всего одним кварталом выше, не доходя до Страстного бульвара, в старинном многоэтажном доме с обширным внутренним двором (тут, кстати, совсем рядом помещалась старая квартира с мастерской, принадлежавшая Берестину, где, собственно, и начался непосредственно данный виток истории¹⁵) находилась фирма по прокату автомобилей, обслуживавшая только солидных клиентов.

¹⁴ Термины из книги Станиславского «Работа актёра над ролью».

¹⁵ См. роман «Одиссей покидает Итаку. Гамбит бубновой дамы».

Фёст перекинулся несколькими словами с знакомым помощником управляющего и попросил подобрать немедленно четыре машины, не очень броские, но проходимые, чтобы хорошей компанией отправиться в дикие места, вёрст за сто-двести от Москвы.

– Сам понимаешь, в мой «Пассат» всех не помещу, а гости издалека нагрянули, без колёс...

– Сможем и водителей квалифицированных предложить, есть такая услуга.

– Водителей своих хватит. Квалифицированных и непьющих, – он указал рукой на Глазунову. У менеджера глаза на лоб не полезли, но удивление на лице отразилось.

– Ты ещё поудивляйся, а Полина, кстати, мастер спорта по ралли. И в «Кэмел-трофи» участвовала... Просто у неё манеры экстравагантные. Так что давай, пойдём технику выбирать...

Для пятнадцати человек подобрали четыре почти одинаковых, совсем новых пикапа «Тойота Самшит», пятиместная кабина плюс довольно ёмкий кузов. Не совсем вездеход, но близко к этому. Движок 380 лошадей, а расход солярки куда меньше, чем у БТРа.

– Смотрите, Вадим Петрович, машины в каком состоянии. Только получили. Вы первые клиенты. Придётся залог внести, не считая арендной платы. На сутки, на трое?

– Давай на трое, – сказал Фёст, а сам подумал: «Знал бы ты, парень, что тут завтра может начаться... Бизнесу вашему точно кранты, а мы с машинами будем, по всем правилам оформленными и, наверное, незасвеченными».

– Полина, позвони кому-нибудь, пусть подбежит, четвёртый водитель нужен, – распорядился Секонд.

Посмотрев прайс-лист, Фёст тяжело вздохнул, скорее «для порядка», ведь известно, что «если вы спрашиваете, сколько это стоит, значит, оно вам не по карману».

– Рубли, баксы, еврики? – осведомился он.

– За прокат рублями, сейчас иначе нельзя, а залог лучше бы баксами...

– Как скажешь. Пиши акт...

Обошёл машины, заглянул под капоты, словно бы контролируя, не собираются ли ему потом счётчик за прежние дефекты подкинуть. Да вроде порядок, ничего в глаза бросающегося. Впрочем, на фирме господина Ляхова знали, едва ли рискнули бы связываться, «куклу» подсовывать.

Как раз не подбежала, конечно, но подошла быстрым шагом подпоручик Амелина, девушка из второго взвода, в противовес хулиганке Глазуновой, вся из себя абсолютно положительная, на первый взгляд, конечно.

Выехали, почти тут же и припарковались, рядом с пивной «Ладья». Отчего-то сегодня движение по городу чуть не вдвое поредело против обычного. Неужто народ спинным мозгом чувствует предгрозовую атмосферу? Хорошо, если так.

Вышли на тротуар, Глазунова тронула Фёста за рукав.

– А правда хороши машинки? Я там рот не разевала, чтобы деревенщиной не выглядеть, а сейчас смотрю и радуюсь. У нас таких нет. Вот бы не возвращать. Как?

Она коснулась крыла той, на которой выехала. А и вправду хороша, цвета тёмно-зелёного, как раз к названию, да ещё и с перламутром. Гробина, конечно, здоровая, зачем такая симпатичной девушке? Ну, просто девушке, может, и не очень, а поручику спецназа пойдёт. Только с кабиной конструкторы чего-то перемудрили, задние дверцы открываются только при открытых передних. Не здорово. Правда, на «Тундрах» это азиатское недомыслие исправили, но тех в наличии не оказалось.

– Бандитская у тебя натура, *Полинька*. Точнее, мародёрская...

Девушка довольно хихикнула. Вот, удостоилась личной оценки, явно её из других выделяет таинственный полковник. Жаль, в постель он её точно не пригласит, тут картина ясная. Людка в него – мёртвой хваткой, но в других-то случаях быть на примете у *такого* началь-

ника не помешает. Очень умные девушки собрались в отряде усилиями Фёста и Секонда, при помощи Максима Бубнова, и за полтора года службы стали ещё умнее. Ляховы, как могли, передавали им уроки Шульгина. Любую можно без защиты в доктора психологии выдвигать.

– Да ты не расстраивайся, – Вадим как-то интимнее, чем обычно, коснулся её плеча. – Посмотрим, куда кривая повернёт. Может, и оставишь себе на память. А если всё как надо пройдёт, всем желающим такие купим...

– Ну-у, всем, – разочарованно протянула барышня, изобразив обиженное лицо. А сама подумала: «Что-то разнежничался Вадим Петрович, видно, снова *лихое дело* предстоит».

– Ладно, не всем. Тебе эту, другим – другие. Вроде такой. – Он указал на проشمывнувшую мимо сиреневого цвета «Микру».

– О, им – в самый раз! – засмеялась Глазунова, с лёгким презрением проводив взглядом подобие «божьей коровки».

И ведь не шутил полковник, получится с «Крестом» – каждая сможет жить в этой Москве и кататься, на чём заблагорассудится. Хоть на пикапе, хоть на «Бентли». Тогда у «причастных» возможности будут, как у елизаветинских «лейб-кампанцев».

Не слишком спеша, две, на неискушённый взгляд, семейные или просто пары свернули в Столешников.

– Задача у вас простая, – говорил Фёст на ходу Секонду и обеим девушкам, самоопределившимся в роли водительниц, настраивая, в случае чего, командовать своими пассажирками в автономном режиме. У них для мгновенной связи «портсигаров» не было, только обычные здесь мобильники. – Нас с Вяземской хозяйин куда-то повезёт, предположительно – в сторону здешнего завода «ЗИЛ». Вы за нами. С тобой, шеф, – сказал он Секонду, – мы по блоку контактировать будем, но, на всякий случай, и ты слушай, – он вкратце объяснил, как проехать к Автозаводской с трёх наиболее вероятных направлений.

– Очень может быть, что нас с Людой майор вздумает на метро повезти. В оперативном смысле очень неглупо. Значит, тогда на выходе встретимся. Работать вам на пределе возможностей. И чтобы скрытно и как можно ближе к нам. Не стрелять ни в коем случае... Ну, почти ни в коем, если уж совсем кранты. Снайпера, скажем, заметите или целую толпу с автоматами. Да и то лучше б не до смерти. Люди сейчас нервные, что-то не так поймут, руки распустят, а вы им – пулю в лоб. Нехорошо. Я вообще так планирую – доводите нас до места встречи, плотно его блокируете и ждёте сигнала. В идеале, я вас просто предъявлю самым эффектным образом, и дальше пойдёт деловой разговор...

А сейчас в кабаке заходим поврозь, я к своим, вы со своими, ужинайте и развлекайтесь. К такой компании провинциальных девиц одиночки приставать не будут. А если больше чётвёрх – тогда думайте. Смотрите, когда мы уходить соберёмся. Людмила в любом случае мимо вас в туалет заскочит, окончательные данные о маршруте передаст. Тогда отпускаете нас на полста шагов – и по машинам. За четвёртый руль Герта сядет. Чёрт, я не спросил, она с правами или без. Да ни хрена, менты тормознут – отмажешь, – это он уже лично Секонду сказал.

Да, у того эта возможность была. Документы – МГБ, службы собственной безопасности МВД, МЧС даже, а ещё прокурорские и мидовские. Даже второго секретаря американского посольства. Смотря с кем судьба сведёт.

А если совсем ничего из средств морального убеждения не поможет, изготовили, допустим, мятежники для своих какие-то спецпропуска или пароли, тогда – силовой вариант. Наверняка есть у них такие отморозки, что и маму родную пинком в автозак отправят. Что ж, если «настырных не по разуму» окажется меньше роты, шансы у них слабые.

Условленное время истекло, Борис Иванович допил и доел всё заказанное. Очевидно, текущие обстоятельства употребить примерно двести граммов ему не препятствовали. Но выглядел он вполне свежо. Ляховы в армии на такие «ресурсы человеческого организма»

насмотрелись. Да что говорить, если у Фёста первый командир полка, тридцатипятилетний красавец мужчина, подполковник Гальцев, племянник, между прочим, начальника Управления кадров МО РФ, перед утренним разводом принимал «сто неразведённого» (а доктору три литра в месяц казённого спирта куда хочешь, туда и списывай) и совал за щёку две таблетки валидола, якобы запах отбить. И поговорка такая в войсках ходила: «Пить на службе можно, попадаться нельзя».

Вадиму сейчас в этом смысле было проще. Он выставил нужную функцию гомеостата на максимум, и теперь у него срок разложения спиртов и альдегидов до воды и углекислого газа составлял всего пятнадцать минут. Выпил стопарь, закусил помидором солёным, покурил – и снова чист, как младенец. Майор смотрел на него с уважением. Да и Вяземская почти не отставала, ей нынешний образ позволял. Отчего тридцатилетней женщине за компанию с мужчинами коньячку не выпить, за руль ведь не садиться. Главное – Бориса Ивановича это должно дополнительно успокоить: если люди спокойно *отдыхают* – значит, опасаться их не надо. Никакой серьёзный спецслужбист перед *настоящей работой* такого себе не позволит.

– Ну, пошли, что ли? – сказал наконец Борис Иванович.

– Пошли, – согласился Фёст. – У тебя машина далеко?

– Я без машины. На метро поедем.

– А смысл? – удивился Вадим. Пусть до любой из восьми ближайших станций десять-пятнадцать минут хода, но если вспомнить один старый фильм – «Улица полна неожиданностей», так задумаешься. И тут же его осенила совсем хорошая идея:

– Сейчас такси возьмём, куда скажешь, или, ещё лучше – приличного бомбилу. На твоё усмотрение. Пробежимся с комфортом и без лишнего риска...

Людмила поняла.

– Идите, я загляну кой-куда. – И направилась к видимой с их места двери туалета. Опять же, лишний успокаивающий фактор, всё на глазах.

– Ну, давай перекурим напоследок. Люда твоя правильно сообразила – перед нервным делом очень невредно куда нужно сбегать, а то потом девушке с этим делом сложнее...

Фёст удивился, что майор затронул эту деликатную и в приличном обществе необсуждаемую тему. Сначала подумал, что так примитивно намекает на серьёзность происходящего, потом сообразил – это он так, на своём уровне, дал понять, что их игру просчитал. Не только по обычной необходимости *племянница* пошла, а звонить кому-то. Скорее всего – насчёт транспорта. Именно *подставу* обеспечивая.

Людмила вышла через точно рассчитанное время, машинально потряхивая недовысушенными электрополотенцем руками. Очень «по Станиславскому» жест.

Вышли в переулок, не сговариваясь, повернули влево, к Дмитровке. Майор, не искушённый в тонкостях спецпсихологии, не заметил, что шедшая правофланговой Вяземская точно выверенным микродвижением обозначила нужное ей направление, а дальше он уже сам уверенно пошёл, как туда и собирался. В принципе, это не играло никакой роли. Вздумай Борис Иванович поступить по-своему, с другой стороны, на Петровке, их тоже ждали.

Считая, что разбирается в подобных делах (на самом деле – в основном из книжек и фильмов), консьерж остановился на бордюре Дмитровки.

– Куда ещё идти, давай здесь ловить...

Майор демонстративно пропустил три или четыре пустые машины с шашечками и опять легко *повёлся* на уловку Вяземской. Она как бы невзначай, почти случайно, но выразительно (для чужой подкормки) взглянула на только что отъехавший от прокатного салона большой тёмно-серебристый пикап.

– О! Давай этот тормознём, – вдруг предложил майор, почти правильно предположив, что уж эта машина, только что из салона, *подставой* быть не может.

– Да брось. Такие, с понтами, пассажиров не берут, – отмахнулся Фёст.

– А спорим?! Он машину только взял, ему сейчас тест-драйв сделать охота, выпендриться, какая тачка, перед людьми нарисоваться. Да и денег, что заплатил, жалко. Я такую публику знаю. Хоть что отбить. Заломит, конечно, – выразительно посмотрел на Фёста. Заплатишь, мол?

– Тонко соображаешь, – хмыкнул Вадим. – Он, может, вообще на своей, а здесь стоял только...

Но майор подтолкнул локтем Людмилу, и она замахала рукой, когда Секонд, ехавший на этом «Самшите», был уже в нескольких метрах.

Неожиданно, подтверждая правоту майора (тот победно взглянул на скептика), «Тойота» притормозила.

Дальше пошла чисто Людмила игра. С отчётливым западноевропейским акцентом сообщила водителю, куда ей надо, и как она боится ночами передвигаться по этому большому и непонятному городу, и что, разумеется, джентльмен на такой солидной и красивой машине никак не может оказаться «не джентльменом».

Она тараторила так убедительно, что Фёст с Борисом как бы вообще выпали из сюжета, их почти видно не стало. Хотя любой нормальный московский (то есть *пуганый*) человек сильно подумал бы, брать ночью девицу и двух крепких мужиков. Да ещё в довольно сомнительный район. Вот этого Борис Иванович, считающий себя специалистом, только вот беда – в другой области, не просёк. В морской пехоте, даже в бригадном разведбате, учат несколько другому.

Обладатель эффектного пикапа сразу согласился, тем более, как оказалось, ему почти по пути. Но запросил, для проверки, очевидно, внаглую – сто долларов. Майор хотел возмутиться, но Людмила молча кивнула и тут же достала из сумочки требуемую сумму, одной бумажкой. Сразу полезла на переднее сиденье, предоставив мужчинам размещаться сзади.

Доехали быстро, Секонд здесь прилично ориентировался и погнал по набережным, где движение было достаточно разреженным. Только один раз их притормозили дэпээсники, на Котельнической, передвигной пост на двух машинах, причём во второй сидели явно не милиционеры. Тут Секонд быстро сообразил, протянул лейтенанту через приспущенное стекло удостоверение как раз службы собственной безопасности городского Главного управления и не стал ничего говорить, объяснять или убеждать, просто смотрел на него очень внимательно и выразительно, как бы запоминая номер на нагрудной бляхе и лицо тоже.

Лейтенант тоже не из простаков оказался, молча кивнул, вернул документ, о правах и прочем не заикнулся. Наверное, на сегодня имел какие-то инструкции.

Три остальные машины (раз конечная точка маршрута известна и связь постоянная) шли параллельными улицами, не столько опасаясь того, что майор слежку заметит, как излишнего впечатления, которое могли произвести на гаишников идущие подряд четыре новых и довольно редких здесь «Самшита».

Не доезжая метров сто до ограды бывшего завода «ЗИЛ», майор велел остановиться. Людмила ещё раз поблагодарила любезного джентльмена, по-русски, но прибавив ещё и «сэр».

– Хорошо это у тебя получается, – похвалил консьерж, когда задние огни пикапа исчезли за поворотом. – Я б тебя тоже за американку принял. Случись что, этот парень никакой толковой информации никому дать не сумеет.

– Школа, – с усмешкой ответил Фёст. – Теперь куда? – И довольно демонстративно извлёк из-под ремня «беретту», снял с предохранителя и засунул на место. О том, что у девушки (сильны в людях, даже опытных, стереотипы) под платьем к симпатичным ножкам пристёгнуты ещё две такие же, он и вообразить не мог.

– Это я ни на что не намекаю, камрад, – сказал Вадим майору, – но стреляю быстрее, чем большинство подумать успевает. Смотри, чтобы кто-нибудь из ваших не переоценил личных способностей. Роковая может выйти ошибка. Глаза завязывать тоже не дам, не в кино. Пошли,

порешаем *ваши* дела побыстрее, а там и *нашими* займёмся. «Время не ждёт», как писал Джек Лондон.

– Я бы предпочла, чтобы нас знакомые мне товарищи-разведчики встретили, если есть такая возможность, – очень мягким, *волнующим*, как иногда выражаются, голосом добавила Вяземская.

При этом она через большие накладные карманы платья, снабжённые прорезями, тоже привела в боеготовность свой арсенал.

– Слушай, Петрович, ты правда не обижайся. Я не знаю, как и куда ты смоешься, если что не так пойдёт, а нам ошибаться нельзя, – успокаивающим тоном сказал майор. – У нас только один ход – первый и последний... За стукача я тебя не держу, но вдруг у нас взгляды настолько разные...

– Не продолжай. Мы здесь, начиная второе действие нашей интересной пьесы...

– «Я стою у ресторана, замуж поздно, сдохнуть рано», – продолжила театральную тему Людмила. Это она сегодня, полчаса назад афишу какого-то театра (название слишком мелко написано было) увидела. Ей понравилось.

Майор только головой pokrutil.

Они пролезли сквозь прикрытую изнутри листом ржавого железа дырку в заборе и оказались словно в декорациях американского боевика. У них там, в Голливуде, половина фильмов снимается на территориях и в цехах заброшенных заводов. Pokрутились, следуя за уверенно шагающим майором между корпусами цехов и просто двух-, трёхэтажными зданиями старинного красного и сравнительно современного силикатного кирпича. Кое в каких ещё светились окна, то ли склады какие, то ли офисы фирм-однодневок, а может – общежития гастарбайтеров. Людмила всё время давала пеленг с блок-универсала Герте и Секонду. Обстановка вокруг была более чем спокойная. Блок-универсал Вяземской отметил несколько скрытых парных постов на их пути, но никакой поблизости работающей аппаратуры слежения, включая ночные прицелы и лазерные целеуказатели. Так что «печенежки» смогут держаться на минимальной дистанции. Снаружи, конечно, внутрь зданий им лезть пока не стоит, да и незачем. Свою роль «туза в рукаве» они сыграют и так.

Наконец через вестибюль очередного «строения» спустились в подвал, на целых два марша, майор с фонарём впереди. Прошли с полсотни шагов по сухому и чистому коридору.

– Ну прямо ставка Гитлера «Вольфшанце», – единственное, чем нарушил Фёст тишину, когда Борис Иванович открыл толстую, как в бомбоубежище, дверь. Похоже, именно в нём они и оказались, построенном во времена «холодной войны» или ещё раньше, в тридцатые годы.

– Очень правильно выразились, коллега, – вдруг послышался спокойный мужской голос слева и сзади. Вадим с Людмилой остановились. Оборачиваться не стали.

– Молодцы, выдержка на уровне, – продолжил тот же голос, – даже и не вздрогнули...

– Надрожались уже, во времена лейтенантской юности, – в тон, не повышая голоса, ответил Фёст. – Теперь у нас нервы как стальные канаты...

– Ещё и острите. Ну, заходите. Дешёвых эффектов больше не будет.

Вдруг стало светло. За приоткрытой дверью в углу горела нормальная лампочка, ватт на триста. Действительно, бомбоубежище. Комната большая, даже скорее – зал. На стенах учебные плакаты и схемы противоатомной тематики, два стола, скамейки вдоль стен, несколько нормальных стульев у столов. В меру тепло, совсем не сыро, но пахнет всё равно как в подземе, специфический такой запах.

Во главе стола мужчина в армейском камуфляже старого образца, возрастом прилично за пятьдесят, но крепкий, подтянутый, сухощавый. Лицо, как сразу определил Фёст, соответствует строевому полковнику с богатым жизненным опытом, не карьеристу и не сволочи, такие

вещи Ляхов сразу просекал. Ещё на собственной службе научился, а потом в школе Александра Ивановича значительно усовершенствовался.

Кроме «полковника» в комнате было ещё шесть человек, среди них, к радости Людмилы, её вчерашние сопровождающие, Григорий и Эдуард.

Мизансцена закончилась, все как-то сразу облегчённо задвигались, начали доставать сигареты. До этого не курили, чтобы гости раньше времени не забеспокоились, издав табачный дым.

Фёст с Вяземской сели напротив «полковника», Борис Иванович отошёл в сторонку. Его задача, похоже, на сегодня выполнена.

– Теперь будем знакомиться, Вадим Петрович. Полковник, вы, значит, «Герой России». С этого места – поподробнее, пожалуйста.

– С кем имею честь? Или – удовольствие беседовать? – осведомился Ляхов, тоже доставая сигарету из портсигара. Достал, прикурил, положил блок рядом, под левую руку.

– Резонно. Сергей Саввич, Хворостов, тоже полковник. В отставке. В былое время – начальник разведотдела штаба КДВО. Сейчас – директор ЧОП «Хайратон»¹⁶.

– На Серышева¹⁷, на третьем этаже сидели? – спросил Ляхов.

– Грамотный вопрос. Нет, не на Серышева, на Уссурийском бульваре. Так?

– Очень может быть, я не в курсе, просто пару раз бывал в тех местах, вот и спросил.

А «Хайратон» – вы сами придумали?

– Уточните смысл вопроса...

– Да тоже из чистого любопытства. Слышал от старших товарищей такую песню: «Как хочется скорей дойти до Хайратона, где сразу за рекой закончится война...» Выходит, ваша контора – рубеж между войной и миром? Между победой и поражением. Рубикон – Хайратон. Созвучно даже. Вы это подразумевали?

– Вадим Петрович, вы умнее даже, чем я со слов Бориса Ивановича представлял. Ну и зачем же мы потребовались «Чёрной метке»? Поделитесь?

¹⁶ Хайратон – пограничный город в Афганистане, на берегу р. Амударья. По Хайратонскому мосту из Афгана выходили последние подразделения 40-й армии, за ними – погранчасти прикрытия.

¹⁷ На ул. им. С.А. Серышева (во время Гражданской войны – командующий Восточным фронтом ДВР, член РВС ДВР) в Хабаровске размещался штаб Краснознамённого Дальневосточного военного округа.

Глава третья

– Насчёт «умнее» вы, пожалуй, слегка преувеличиваете, – с усмешкой ответил Фёст. Вопрос о своём «геройстве» он деликатно обошёл. – Не из того смыслового ряда термин. Сообразительнее – это пожалуй. Не ожидали вы от такого, по вашим воззрениям, «салаги» знания реалий, имевших место чуть ли не до его рождения, умения соотносить факты и делать из них нестандартные, по меркам даже и образованных людей, выводы. Так правильное будет.

– Ну, и избытком скромности вы тоже не страдаете.

– Сам себя не похвалишь, и сидишь, как оплётанный... Так вы не ответили на мой основной вопрос. Про Хайратон...

– А вам зачем? – удивился Хворостов.

– Хочу отчётливее представлять, с кем дело имею...

– Я, вы знаете, тоже.

Фёст замолчал, затянулся «Кэмелом», внимательно глядя, как быстро укорачивается сигарета. Словно бикфордов шнур. Отчего он и полюбил имперские папиросы. Те – как «наган». Нажмёшь – выстрелит, не нажмёшь – не выстрелит. То есть сгорают они только по воле курильщика, а если тот не затягивается, переходят в «стендбай». Ждут спокойно и не гаснут при этом. Надо не забыть в следующий раз достать из кармана коробку «Корниловских», ещё немного *развлечь* полковника.

– Я думал, приглашая меня сюда, заведомо предполагая, что я приду, и я пришёл – без прикрытия, только с девушкой-подружкой – вы уже имели обо мне более-менее отчётливое представление... Разве нет?

– Сложный вы человек, Вадим Петрович. Ну вот и Хайратон... Дела настолько давних дней. Вы какого года рождения?

«Молодец, что не спросил «с какого года?», – отметил Фёст.

– Семьдесят шестого.

– Значит, вам тогда тринадцать было. Что-то помните, но явно смутно. А я выводил через этот самый мост последний батальон «поддержки погранвойск». Уже и Громова показали по телевизору под развевающимся знаменем, «капитана, последним сходящего с корабля», уже и Героя ему, кажется, дали, а мы ещё там оставались. Вышли, когда все дела закончили, как бы и не существующие солдаты ушедшей армии. Потом двум десяткам бойцов по «Отваге» и ЗБЗ¹⁸ дали, пяти офицерам – Красную Звезду, мне – не поверите – орден Александра Невского. Им за всю войну человек десять наградили, наверное. Но о том, что мы Громова прикрывали, чтобы он красиво выглядел, – нигде ни слова. Впрочем, не имеет значения. А вы когда и где «Героя» получили, тридцатилетний полковник?

– Ну, к слову, мне уже тридцать два, ещё немного – с генералом армии Черняховским¹⁹ сравняюсь.

– Всё вас на сравнения тянет. Ну так как же?

– Полковник я совсем не по вашему ведомству, Героя получил за боевые действия за границей, конкретнее – Ближний Восток, три года назад. Может, слышали – миротворческие силы ООН, перевал в горах Маалум. Получал тоже втихаря, из рук в руки, без опубликования. Этого пока хватит?

– Бывает, и не такое бывает. А – «Чёрная метка»?

¹⁸ З Б З – армейское сокращение названия медали «За боевые заслуги».

¹⁹ Черняховский И.Д. (1906–1945) – генерал армии, дважды Герой Советского Союза, командующий 3-м Белорусским фронтом, погиб в ходе Восточно-Прусской операции.

– Что – «метка»? – сделал вид, что удивлён, Ляхов. – Вас она каким краем интересует? Вы же не из тех структур. Она больше, помимо армии, в «правоохранительной сфере» работает. Это уж я Бориса Ивановича решил привлечь как боевой резерв. До него всё больше с начальством выше нас с вами званием общался...

Хворостов неопределённо покрутил головой.

– Слышал, слышал. Но всё равно неубедительно. Вы, предполагаю, специалист по понятной линии, а я – армеец. Мне кое-какие явные ляпы в глаза лезут, а ваши коллеги иногда настолько по-другому думают, что по пустякам привлекают сотню человек и сотни тысяч дензнаков. Не знаю, наши или *те* «дело Литвиненко» организовывали, но по-любому глупо. Я бы за двести долларов нанял негра, чтоб его в лондонской подземке ножом под рёбра ликвидировал. И никто б никогда концов не нашёл.

– Полностью с вами согласен. Только *те люди* другие задачи решают. Почему и не позволили Грачёву за час одним десантным полком чеченскую проблему закрыть. А он бы смог. Но это лирика. Ко мне какие вопросы? Только поконкретнее. Мне кажется, что у вас... Не знаю точно – или страх, или ревность. Если ревность – не надо. Вы своё гарантированно получите, если захотите, и мы с вами нигде не пересечёмся. А от страха лекарство – могу, как врач по образованию, кое-что прописать...

Хворостов стукнул ладонью по столу.

– Да что вы за человек? Мы всё могли за три минуты решить, а вы так поворачиваете, что полчаса говорим, и только вязнем...

– Не я первый начал, коллега. *Всё решить* можно было и из дома не выходя. Давайте, я вам просто картинку текущего состояния дел нарисую, и будем обсуждать... «Чёрная метка». Правда, красиво? Детство, «Остров сокровищ», пират Билли Бонс и так далее. Да ещё Борис вам напел про десятикомнатную квартиру, про деньги, что я ему давал, про разные чудеса в стиле театра «Варьете». Эдуард и Григорий с моей сотрудницей вчера по Москве погуляли, тоже порассказали... Вот вам и захотелось познакомиться, когда от верных друзей узнали, что Президента больше нет и сейчас самая гульба пойдёт... Сейчас, я думаю, – Фёст посмотрел на часы, обычные «Командирские», не «Бреге», не «Роллекс», – где-то в их штабе, на Мясницкой, скорее всего, идут лихорадочные совещания, как в Петроградском ВРК²⁰ 24 октября... Интересно, кто раньше успеет, мы или они?

– Снова уходите в сторону, – одёрнул его Хворостов. – «Чёрная метка»?

– А, – небрежно махнул рукой Ляхов. – Это, по сути, этакий «пазл», знаете такую игрушку? Нет никакой организации. Есть коробка с детальками, есть я и ещё несколько человек, знающие, как они друг с другом соединяются, и держащие в памяти картинку, которую нужно сложить. Сами же «детальки» понятия не имеют, что являются составной частью некоей *сущности высшего порядка*.

Вот, возьмём ваш ЧОП. Считаю, штыков двести вы имеете, хороших, опытных. А что с ними сейчас делать, знаете? Допустим, второй «Форос» его организаторам удастся. Вы не боитесь, что завтра вас разоружат, а послезавтра – к стенке или по этапу?

Тут он как бы невзначай достал из кармана коробку белогвардейских папирос, подвинул полковнику.

Хворостов сначала долго смотрел на картинку с портретом Лавра Георгиевича и прочими деталями оформления. Как-то очень осторожно открыл, взял папиросу, понюхал, помял, закурил, наконец.

– Вы в том, что происходило в Москве в позапрошлом году, участвовали? – спросил, не глядя в глаза.

– Было дело. Только недоработали, о чём сейчас жалею...

²⁰ ВРК – военно-революционный комитет, орган для руководства захватом власти 25 октября 1917 г.

– И всё равно, мне трудно вам поверить. Есть гораздо более простые объяснения, и они мне не нравятся...

– Очень жаль. Я думал, без демонстраций обойдёмся. Да вы курите, курите, это немного времени займёт...

Посмотрел на Вяземскую.

Та сидела, совершенно безразличная ко всему окружающему, будто просто ждала, когда командир что-то прикажет. Дождалась. Достала из кармана свой портсигар, под настороженными взглядами всех присутствующих вынула сигарету, щёлкнула зажигалкой. Одновременно пошёл сигнал Секонду.

– А я могу и ваш отряд вставить в свой «пазл», и послезавтра вы наденете давно заслуженные генеральские погоны, примете под команду дивизию «особого назначения» или – сами придумаете, что захочется. Вам ведь сколько? Пятьдесят три, пять?

– Всего пятьдесят один. Это я выгляжу старше...

– Ну, тем более. Служить и служить ещё можно. Помните, сколько Брусилову²¹ в шестнадцатом году было? А ведь до этого никто о нём почти и не слышал. В шестьдесят три Галицийскую битву выиграл, на весь мир прославился, в шестьдесят четыре Главковерхом стал...

– Вашими бы устами... Но не уходите в сторону, сколько можно просить. Конкретно – кто вы на самом деле, что такое «Чёрная метка», какая ваша роль в творящемся бардаке и что вы хотите от нас?

Никуда не деться от литературных ассоциаций и даже аллюзий. Но что поделаешь, если происходило всё, как в известной книге, правда, с некоторыми коррективами: «За выкрашенной казарменной синей краской дверью послышался шум, полковник Хворостов недовольно оглянулся. А его собеседник, зловеще усмехаясь, медленно поднялся...»²².

Пока Сергей Саввич и его вернейшие, судя по всему, паладины только тянули руки к пистолетам, у кого в традиционных кобурах на поясе, у кого в других местах, Ляхов и его нежная возлюбленная уже держали в руках свои. Просто на всякий случай. Как в «Великолепной семёрке»: «Хлопай руками, быстрее хлопай!»

Дверь открылась. Сначала в неё цепочкой вошли пятеро солидных мужчин в камуфляжах. Руки у всех за спиной зафиксированы, и рты толстым специальным пластырем заклеены. За ними – четыре пёстро, совсем не по-военному одетые девушки с автоматами через плечо. Замыкающей – вездесущая Глазунова. Она с грохотом свалила на ближайший стол груды оружия и патронных подсумков. Выпрямилась и замерла, как бы охраняя свои трофеи. Глазами при этом постреливала по сторонам вполне дружелюбно. А присутствующие сотрудники Хворостова пока что только ошарашенно вертели головами. Молча.

– А где вторая половина отделения? – спросил Фёст у Полины.

– На постах. Этих ребят подменили. Система охраны и обороны не нарушена, – поручица опять улыбалась Ляхову так, что Людмилу передёрнуло. Нет, ну нельзя же так наглеть! Только Герте она готова что-то простить, но никому больше.

– Молодец, Полина. Завтра же *здесь* четвёртую звёздочку получишь, обещаю, а с остальным – твоё начальство разберётся. Ну и господин полковник пусть делает выводы, как у него караульная служба поставлена.

Повернулся к Хворостову.

– Вы садитесь, садитесь, Сергей Саввич. Где вы там служили, до штабов? Спецбатальон поддержки погранвойск? А до этого наверняка ведь рассказы про штурм дворца Амина слышали. Моим бы девчатам поручили – без стрельбы и ненужного кровопролития справились.

²¹ Брусилов А.А. (1853–1926) – российский военачальник, генерал от кавалерии (1912 г.), с 1916 г. Главком Ю.-З. фронта, автор т. н. Брусиловского прорыва, положившего конец «позиционной тактике». В мае 1917 г. назначен Верховным главнокомандующим (вместо Николая II) российской армии.

²² Источник – А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом».

Как оцените – ваши бойцы ведь далеко не мальчики. И кто их без шума снял и обезоружил? Вы, Глазунова, никого не покалечили?

– Обижаете, господин полковник. Пареньки и не рыпнулись... За что их бить?

Ляхов сел, совершенно машинально взял очередную папиросу. Ну не выходил без этого разговор.

– Так что, *товарищ* Хворостов, фронткамерад, про «Чёрную метку» вы можете предполагать, что вам угодно, а вот что вы думаете про моих девочек?

Вся прибывшая команда уже рассредоточилась по помещению, без нервного напряжения, но чётко контролируя весь его объём по многократно пересекающимся директрисам. И глазами, и стволами.

Главе принимающей стороны было крайне тяжело сохранить подобие самообладания.

Ещё и Людмила не выдержала, добавила «свои пять копеек».

Спросила, обращаясь к своим вчерашним спутникам, Эдуарду и Григорию, достаточно вроде бы опытным фронтовым разведчикам:

– Ну, что же вы своему командиру сразу всё не объяснили?

– Мы объясняли, он не поверил, – не то удручённо, не то со скрытым торжеством человека, чья правота подтвердилась самым наглядным образом, ответил Эдуард.

– Приношу свои извинения, – выдавил Хворостов. – Не скрою, не поверил, думал, чего-то вы недопоняли в происходившем. И сейчас не могу поверить. Как вы... ваши сотрудницы всё это провернули? Я ведь своих людей знаю...

– Своих знаете, моих – нет. А если разведке не удалось установить силы и средства противника, уровень его подготовки – нужно быть трижды осторожным. Да что я вам прописные истины объясняю? Вы обратили внимание, в каком чине госпожа Глазунова?

– Вы сказали – поручик. Я решил, что позывной такой...

– Отнюдь, это её подлинный чин, или, по-нашему, воинское звание. Дело, видите ли, вот в чём, – Ляхов щёлкнул пальцами, подбирая подходящие слова. – В той армии, где служат эти прелестные существа, уровень военно-технической оснащённости значительно ниже, чем в нашей российской или, не к ночи будь помянута, американской. Приходится компенсировать. Про японских ниндзя слышали, конечно, или, если поближе взять – вьетнамцы в известной войне. Да, кстати, ваших ребят нужно освободить. Пусть не обижаются, что так с ними поступили, наглядный урок, ничего личного.

По его кивку девушки, сохраняя бдительность и осторожность, развязали охранникам руки, убрали пластыри.

– Скажите, – обратился Фёст к ближайшему из них, – вы что-нибудь вообще успели заметить, услышать, почувствовать?

Чоповец был в таком состоянии и настроении, что говорить не стал, просто отрицательно мотнул головой.

– Поподробнее, пожалуйста, – попросил Хворостов, – что это за армия такая, с дореволюционными чинами, плохим оснащением и высочайшим уровнем индивидуальной подготовки? Не израильская ведь?

– Упаси бог. Я как раз с самого начала хотел вам всё рассказать, да вы меня всё время отвлекали. Теперь слушайте. Удивляться не обязательно, просто так уж мир устроен...

Он буквально за десять минут, умалчивая лишь о том, что сейчас не имело непосредственного отношения к делу, рассказал и про другую Россию, и про «Мальтийский крест». Не стесняясь присутствия полутора десятка бойцов Хворостова. Таиться теперь незачем, если завтра всем этим людям придётся работать в связке с «печенегам» или любой пришедшей с *той стороны* воинской частью. На весьма ответственных должностях. Наверняка все присутствующие – офицеры, от капитана, как минимум, и выше. Каких служб – несущественно.

– Поразительно. Действительно, поверить почти невозможно, – сказал Хворостов, машинально жуя мундштук уже третьей «корниловской» папиросы. Теперь смысл коробки и картинки на ней приобрёл другое значение. А поначалу он просто за этакий *прикол* принял.

– Этим девушкам наша действительность тоже при первом знакомстве казалась абсурдом. Ничего, свыклись. Так что, будем вместе работать, или как?

У Хворостова и его окружения тотчас возникли примерно те же вопросы, что мучили и самого Президента. Насчёт аннексии, оккупации и прочего.

– Вы иначе на это дело взгляните, – предложил Вадим. – Вот абхазы, например, не обижаются, что мы к ним на помощь пришли. Живут, как жили, даже лучше, и имеют за спиной сто сорок миллионов друзей и семнадцать миллионов квадратных км надёжного тыла. А не пять миллионов врагов, мечтающих этих самых абхазов ассимилировать, в самом лучшем случае, и крайне сомнительное в роли *гарантов* «мировое сообщество». Так мы с ними всё же разного этнического происхождения, а в нынешнем случае вам готовы помочь четыреста пятьдесят миллионов единокровных братьев и сестёр, проживающих на двадцати пяти миллионах квадратов территории. При этом Император абсолютно не заинтересован как-то нас притеснять и ущемлять. Скорее – всё наоборот.

В ином случае – я, честно, устал уже повторять очень многим людям один и тот же довод – всё здесь пойдёт так, как уже началось. И чем оно закончится? Девяносто первый год рождественской сказкой покажется. Вас, как русских офицеров, этот вариант устраивает?

Фёст вдруг широко улыбнулся, будто ему надоело быть серьёзным и жёстким.

– Да вы на моих девчат посмотрите – все из другого мира, а сильно от наших отличаются? На оккупанток похожи? Если кого слегка ушибли невзначай, так они извиняются, правда, Полина? И все, к слову, незамужние. Имейте в виду, мужики.

Обстановка сама собой разрядилась. И девушки в ответ на слова Ляхова заулыбались, бессовестная Глазунова подмигнула самому Хворостову. Его «снятые с постов» офицеры тоже начали отходить от стресса. В общем, такая «встреча на Эльбе». Только Людмила оставалась в фазе натянутой струны. Что-то ей всё же не совсем нравилось в обстановке, или приказ Тарханова, возложивший на неё ответственность за безопасность операции и лично Фёста в том числе (невзирая на его формально неизмеримо более высокое должностное положение), оставался доминирующим, не позволял расслабиться, как бы ни складывалась обстановка.

– Разрешите вас на минутку, господин полковник, – обратилась она к Ляхову.

Они вдвоём вышли за дверь.

– Что у тебя?

– Во-первых – как-то мне не по себе. Интуиция... Словно по спине оптическим прицелом шарят...

– Принимается. Во-вторых?

– Надо бы тебе с Президентом, а лучше, с Мятлевым связаться. Сказать, чтобы остальных своих друзей, если они ещё живы и на свободе, срочно к нам на квартиру вызвал...

– То есть?

– На этой стороне, конечно. Прикажи, чтобы всё бросили и туда мчались. Поднимутся на этаж, позвонят в дверь. Яланская, её предупредить тоже надо, объяснит, как впустить. Президенту их показывать пока не надо. Я правильно рассуждаю? Вернёмся, сам и решишь, показывать им наш *терминал* или как-то иначе... Те люди нам наверняка понадобятся, а их сегодня ночью вполне *изъять* могут, если не уже.

– Молодец! Талейран в юбке, – он не удержался, коротко поцеловал девушку. – А я и не удосужился. Хуже того, и Президент с Мятлевым про них не вспомнили... Сейчас сделаю. – Фёст начал набирать номер телефона. Действительно, как же это Людмила быстрее него сообщила то, о чём в суматохе даже сам Президент не подумал. Или подумал, но не видел реаль-

ного способа забрать друзей туда, где сам оказался. Возможно, говорил об этом с Мятлевым и Журналистом, но и только. К нему не обратился.

Яланская сняла трубку. Вадим объяснил «коменданту гарнизона» то, что требовалось от неё, специально подчёркнув, что дверь между смежными квартирами должна быть обязательно закрыта на защёлку, когда (и если) очередные гости придут, не позволять им даже подходить к ней.

– Контакт между *теми* и *этими* до нашего возвращения исключить. Новоприбывшим накрой стол с закусками в кухне, напитки в баре. Ничего объяснять не надо. Не твоя, мол, компетенция. Теперь позови мне Президента.

Георгию Адриановичу он сообщил, как по этому же телефону дозвониться в другую Москву, выразил надежду, что с Писателем, Юристом и Философом пока что всё в порядке.

– Ну, если нет – примем меры. Лишь бы живы были, выручим из любого узилища. Не буду вдаваться в подробности, но такая тут технология – до моего прихода вы с ними увидите не сможете. Галина (это так Яланскую звали) вам доложит, что прибыли, ну и радуйтесь. Договорились?

Президент предпочёл не задавать лишних вопросов. До самого дошло, что забыл о друзьях, слишком поглощённый и домашними, и здешними впечатлениями. С другой стороны – по тому же принципу «разновременности» с ними *ничего такого* просто не успело бы случиться. Зачистки, скорее всего, начнутся завтра и позже, при условии, что всё остальное пойдёт по устраивающему мятежников варианту.

И тут же, едва Фёст отключился от собеседника, на связь вышел Секонд, контролировавший периметр завода снаружи.

– У нас, похоже, тревога, – как-то очень буднично сказал он. – Территория, скорее всего, окружена. Герта говорит, что отслеживает не меньше полусотни человек в непосредственной близости, до десятка единиц техники. Кольцо пока очень редкое. Мы, – он имел в виду себя с Виттефт и оставшихся при нём троих «печенежек», – пока можем пройти к вам. Минут через десять *они* подходы верняком заблокируют. Решайте там, что в вашей ситуации выгоднее – жёсткая оборона, прорыв с боем или «выход малозаметными группами».

– Понял. Наблюдай, я сейчас.

Счёт шёл на минуты, и основное решение принимать не ему.

– Это вас, полковник, кто-то или выследил, или заложил. Прошу прощения за самоуверенность, но за нами хвостов не было. Эта ваша база, думаю, давно на примете, а сегодня *пришло время*, как в том анекдоте. Тут не спорю, наше прибытие на четырёх машинах могло спусковым крючком послужить...

– Плохо дело, Вадим Петрович, честно скажу. У меня здесь всего тридцать человек, включая... – Хворостов обвёл рукой комнату. – По тревоге, общему авралу, могу поднять ещё полтора. Но собираться и добираться сюда им долго. Не меньше часа-двух. Это те, кто не дальше МКАДа живёт. И подходить-то будут, вот беда, поодиночке! Сами понимаете, мы к такому варианту не готовились, чтобы в каком-то специальном месте сначала собрались, потом единым кулаком и со специально к этому случаю назначенным командиром нам на выручку двинулись. С оружием тоже плохо. Пистолеты, дробовики. Настоящих автоматов едва десяток наберётся... Плохо, одним словом. У вас людей сколько?

– Со мной – пятнадцать. Оружия и боеприпасов – на двадцать минут серьёзного боя.

– Боеприпасами помочь можем.

– Едва ли, – мотнул головой Фёст. – У нас, увы, полный разнобой по системам. Если «восьмого года» есть – пулемёт наш постреляет, а так – всего две ленты. И «тэтэшные» пригодятся, почти у каждой девочки – «ППС». У прочих – «беретты» да «вальтеры».

– Для «ТТ» есть, но немного, меньше цинка. В большинстве «ПМ», «АК-7,62» да охотничьи для «Сайги» и помпового «ИЖа». Уходить надо, не отобьёмся...

– С таким боезапасом – точно. Но главное – смысла нет. А куда уходить?

– Да хоть в леса. И будем твоих друзей ждать. По первому сигналу выйдем и встретим. Есть хорошие места, с полсотни кэмэ отсюда, хрен нас там найдёшь и выковырнешь, а у нас – полная свобода манёвра.

– Толково. Но чтобы всех твоих ребят обзвонить – не меньше часа уйдёт. Потом вызовешь, когда прорвётесь. Ну, не мне тебя учить. Потом мы вам поддержку окажем, даже и бронетехникой. Связь со мной, Сергей Саввич, вот по этому телефону держать будешь. – Фёст протянул полковнику дешёвенький «Сименс». – Здесь «симка» совсем новая, с ходу не перехватают. Только сначала план подконтрольной вам местности покажи, будь добр, – попросил Фёст, уже составивший в голове план собственных действий.

– Эдик, быстро, – распорядился Хворостов, отходя с телефоном в дальний угол. Бывший командир разведбата отпер сейф, положил на стол ксерокопии плана заводских корпусов и прилегающей территории.

– Глазунова, с отделением бегом на позицию, в распоряжение командира. Вяземская – при мне. – И перешёл на немецкий.

Среди окружающих если кто и знал языки, так скорее английский. В школах и военных училищах немецкий, кажется, давно не учат.

– Лови идею. И передай Герте и Секонду. Блоки к бою. В подходящий момент обозначить себя и начать как бы отход... – он взглянул на план, отыскал устраивающее его место, – сюда, скажем. Через пять минут ты перемещаешься даже. Блоки – на парализатор. Как только в нужном пространстве соберётся подходящая масса – работать. Под пули подставляться запрещаю. Лично тебе приказываю – вернуться живой и целой. Ферштеен зи?

– Ага! – нагло ответила Вяземская. – Вообще-то мне при тебе приказано неотлучно находиться. Герте приказывай...

– Одна не справится, – стараясь оставаться в рамках должности и возраста, ответил Фёст. – А я твои зихера терпеть не намерен, особенно – в боевой обстановке. Исполнять!

– Мы с Эдиком можем по старой памяти девушку сопровождать, – сказал Григорий, вынимая из шкафа два массивных помповых ружья, похожие на «ремингтон» или «мосберг», но с вдвое укороченным стволом. Двенадцатый калибр. Если заряжен картечью или полукартечью, в коридорах и подвалах ему цены нет. Классическая «окопная метла». В руках мощных разведчиков тяжёлые «дробомёты» выглядели как детская «воздушка».

– Нам не привыкать. А что такое «парализатор»? Как на Каретном?

Фёст с удивлением сообразил, что Григорий говорит на прекрасном «хохдойче». Тот улыбнулся и ответил на незаданный вопрос:

– Видите, и вы проколы допускаете. А я с десяти лет и до призыва в армию жил с отцом-офицером в Эберсвальде. У Люды немецкий лучше, чем у Шиллера и Гейне, вместе взятых, а вы, простите... Любому ясно, что если не из самой Рязани, так из окрестностей.

Это он намекнул на фильм «Парень из нашего города» и разговор пленного героя в исполнении Крюкова с немецким офицером.

– Да, это ты прав. Не подумал. Однажды ещё хуже было, в Намибии обругал таксиста матам, а этот «дядя Том» в канотье ответил мне очень адекватно. Оказывается, академию Фрунзе заканчивал.

Ещё посмеялись.

– В общем, иди, поручик, и ни о чём не тревожься. Главное, момент не упустите.

– Это уж вы с Секондом согласуйте, – буркнула Людмила, крайне недовольная, выдернула из-под юбки «беретту», не стесняясь чужих людей, выжидательно посмотрела на Григория.

– Подожди, – сказал Григорий. – Покурим напоследок. Дальше нельзя будет, а у меня через полчаса без курева руки трястись начнут. Сам знаю, что патология, а ничего поделать не могу.

И курил он обычную «Приму», затягиваясь так, что за один раз сгорала чуть не четверть сигареты.

– Если живы останемся, могу помочь вылечить, – неизвестно зачем сказала Вяземская. Что ей до этого человека и его привычек? А вот сказалось, и всё.

Он, похоже, оценил.

– Что, с командиром отношения хреновые? – сочувственно спросил он, когда за ними закрылась тяжёлая дверь. – Сильно достаёт?

– Ещё как! Особенно не по делу...

– Так он же вроде наш, а ты – *оттуда*?

– Это без разницы. Нас ему подчинили, вот и служим...

– Эх, посмотреть бы, как там у вас, – мечтательно сказал Григорий, гася окурок о стену. – Небось штатские девчата ещё интереснее военных?

– С чего бы вдруг? – не поняла хода его мысли Вяземская.

– А как же? У нас на контракт те идут, кому сильно замуж хочется, а на гражданке шансов не очень...

– Психолог ты, – уважительно протянула Вяземская. – Прямо Спиноза, который Барух. А что нахамил мне между прочим, так даже и не заметил. Докурили? Тогда пошли. Ты дорогу показываешь, я на пять шагов сзади, Эдик замыкающий.

– Договорились. А что такое «парализатор»?

Людмила прикусила губу. Секретничают, секретничают, а зачем? Всё ведь очень просто. Тайну имеет смысл сохранять лишь в том случае, если она слишком близка к правде. В противном случае... Только для очень подготовленного человека будет иметь смысл информация, что некая Вяземская умеет мгновенно повергать человека в состояние комы и каталепсии. Причём – голыми руками. Всем остальным с тем же успехом можно рассказать, что она по ночам летает над Москвой на метле. Силы ПВО по такому случаю в боевую готовность приводить не станут.

– Это просто медицинский термин. Если кто-то мне очень не нравится, я могу сделать так, что он потеряет способность двигаться, если нужно – заодно видеть и слышать. На минуту, на час, на год – как пожелаю...

Разведчики поверили. Сразу. Не тот случай был, чтобы сомневаться. Тем более они видели, что эта же некрасивая (днём, кстати, она была куда страшнее, чем сейчас), но чем-то неуловимо привлекательная, даже *влекущая* (а так нередко бывает), женщина сотворила с целой группой чекистов. Он находился не дальше тридцати метров от центра событий и отчётливо помнил, что *сначала* нападавшие повалились на дорогу, а только *потом* появился автобус ОМОНа и в дело пошёл газ.

Вот, значит, в чём дело.

– Так какие у нас проблемы в таком случае? – спросил он.

– Такие, что они по нас будут стрелять из настоящего оружия со всех направлений. Наверху ночь. У них, скорее всего, есть инфракрасные прицелы и тепловизоры, у нас – нет. Плюс – подавляющий численный перевес. Потому выигрышная тактика – наносить удары по отдельным компактным группам, не имеющим зрительной связи с другими, и мгновенно исчезать. Работать буду я, вы – прикрывать тыл и фланги. Главное – не шуметь. Стрелять в крайнем случае и наверняка. Уловили?

– Так точно.

– Вот, значит, так и будем соображать. наших наверху тринадцать человек, здесь мы с вами, полковник семнадцатый. Парализаторов у нас четыре. Думаю, справимся. Общая цель, если я правильно поняла, – обеспечить отход всех ваших. Когда последний уйдёт с завода – вы следом. А дальше мы сами.

– Не вижу смысла, – возразил Григорий. Если можем тихо уйти все – всем и уходить. Вам – чего зря рисковать? Это ж мы вас сюда вытащили, получается...

Всё правильно, он ведь бывший замначштаба бригады по разведке, мыслит тактическими категориями.

– Знаешь, друг, надо мной – сразу два полковника, наш и здешний. Они так решили – живым, из тех, кто пришёл, отсюда никто не должен уйти. Тут вам и политика, и психология, и боевая необходимость. Так что обсуждать мы ничего не будем. Замётано?

– Ну вам виднее, конечно, – согласился офицер. Тоже майор, наверное, судя по последней должности. Как и их консьерж. И Эдуард должен майором быть, раз комбат. Так она и спросила. Они подтвердили.

– Ну вот, а я подпоручик всего, но подчиняться всё равно придётся, вы уж извините. Вперёд!

Секунду в эти минуты было не слишком весело. Будто мало вчерашнего. Вернулся живым домой, собрался отдохнуть. Нет, пожалте бриться!

Высавив из машины Фёста со здешним майором и Людмилой, он сопроводил их до первого поста за оградой завода. Ничего подозрительного не заметил. Машины поставили на приличном удалении от объекта, по одной, на обычных стихийных парковках в междомовых проездах.

Герта разделила вверенный ей полувзвод на боевые тройки и приступила к тщательному изучению территории. Задача простейшая в небоевых условиях, когда «условный противник» несёт караульную службу чисто формально, настроенный максимум на то, что придётся крикнуть постороннему: «Стой, проход запрещён. Закрытая территория». Даже «Стой, стрелять буду!» или предупредительный в воздух – за пределами условий задачи. В серьёзность начинающегося никто не верил, а то и вообще о «событиях» пока ничего не знал, как большинство военнотружеников 24 октября семнадцатого или двадцать третьего октября же пятьдесят шестого²³. Роковой какой-то месяц октябрь в истории XX века, если вспомнить, что «парламентское противостояние» девяносто третьего и стрельба по «Белому дому» случились третьего-четвёртого, да и «Карибский кризис» шестьдесят второго тоже в конце пресловутого «десятого месяца».

Хворостов просто собрал некоторое число своих людей по особому сигналу и велел обеспечивать безопасность какой-то важной «деловой встречи». Ничего больше.

Девушкам пришлось снять туфельки, на ком они были, и переобуться в кроссовки и кеды. Проникнув на территорию через ту же дырку в заборе, они оказались фактически внутри «боевых порядков» заводчан. Сам этот лаз по непонятной причине не контролировался. Очень может быть, что Борис Иванович повёл Фёста с Людмилой так, чтобы и те из «своих», кому не положено, не видели участников этой «тайной вечери».

«Диверсантки» без труда вскрыли систему охраны бывшего завода или не завода как такового, а места дислокации той организации, которая пригласила Фёста для знакомства и переговоров. Парные посты людей в черной форме охранников с крупными эмблемами на рукавах располагались наподобие КПП у входа в административное здание, на переходе из него в бывший сборочный цех и перед вестибюлем, из которого начиналась лестница в подвальные помещения. Тот корпус, что им был нужен, и прилегающие подъездные пути снаружи контролировали всего восемь одиночных патрулей. Причём вполне условно. Более-менее «охранялись» только двое ворот, одни для узкоколейки, вторые автомобильные, пространство между соседними зданиями и сквер с клумбами, скамейками, местами для курения и остатками дав-

²³ День начала уличных демонстраций в Будапеште, очень быстро переросших в полноценную войну, по европейским меркам.

ней «Доски почёта». Наверное, люди знали, что делали. К зданию, где помещался «штаб», случайный человек не подойдёт, а расширять «зону особого внимания» до нескольких сотен плотно застроенных гектаров не было никакого смысла.

Единственное, что стоило бы поставить на вид «принимающей стороне», – отсутствие в составе патрулей нескольких хороших собак. На это, очевидно, имелись какие-то свои причины. Но без четвероногих друзей шансов у охранников не было.

Когда поступил приказ Фёста «организовать демонстрацию», Герта велела Глазуновой взять четырёх девочек и «сделать красиво». За несколько минут пятеро парней, нёсших службу у входа в контору одного из цехов и внутри неё, перешли в горизонтальное положение, с защёлкнутыми за спиной пластиковыми наручниками и заклеенными ртами. «Печенегов» так и учили – чтоб никто крикнуть не успел и ничего из железного, вроде оружия, с шумом не падало. И всё.

С внешних постов охрану сопровождали внутрь и разместили поблизости от спуска в подвалы. Допрашивать кого-то из них самостоятельно Секонд не видел смысла и отправил большую часть пленных к Фёсту, на его усмотрение и для подкрепления «дипломатического статуса».

Темникову и шестерых оставшихся с ним девушек Секонд распределил по постам внешнего оцепления, только наметил позиции пограмотнее, чем здешний карнач.

Сам с Гертой устроился у окна подъезда на втором этаже. Хорошая видимость, слышимость, тыл, прикрытый растяжкой, остроумно пристроенной на единственной двери, ведущей с лестницы в глубь здания, к переходу в слишком большой, чтобы взять его под надёжный контроль, цех.

Для них с валькирией, на случай чего, имелись три выхода в разные стороны, которые незаметно не перекроешь. Нормальная, в общем, позиция. В отличие от чоповцев, он очень даже хорошо представлял, что самое худшее может произойти в любой момент. Не произойдёт – значит, это неожиданный бонус. Ему было даже интересно – сумели их выследить те ребята, что чуть не прихватили Вяземскую с Журналистом, а потом устроили чересчур шумный перформанс²⁴ перед президентской дачей, или же нет?

По всему выходит, что должны бы, если аппаратура у них сейчас не уступает той, что использовалась два года назад. Ну и мы за это время кое-чему научились.

Он вполне самостоятельно принял то же решение, что и Фёст с Вяземской. Действовать без шума, не оставить ни одного живого свидетеля и «организованно отойти на заранее подготовленные позиции». Проще говоря, как выражался вор в одном старом фильме²⁵: «В нашей профессии главное – вовремя смыться».

Так что он испытал даже облегчение, когда Герта, вернувшись с обхода постов, сообщила, что обнаружено несколько групп, каждая минимум по десять человек, с разных направлений подтягивающихся к периметру. Не слишком мощные и избирательные детекторы, имевшиеся в блок-универсалах, всё же выявили и несколько автомобилей,двигающихся и остановившихся «нестандартно». По всему, на них и прибыли группы захвата. А то и уничтожения.

– Уважают, значит, – не пожалел Секонд нескольких лишних секунд, чтобы сообщить свой вывод валькирии.

– Так точно, шеф, – коротко ответила та. Это Герта только что придумала такое обращение, чтобы не путаться в титуловании аналогов. Но, однако, отметил Ляхов, для Витгефт именно Фёст – «командир», а он – всего лишь «шеф».

²⁴ Перформанс (перфоманс) – от англ. performance (представление), вид художественного творчества, объединяющий театр с изобразительным искусством, предполагающий активное зрительское участие (соучастие).

²⁵ «Праздник святого Йоргена». Мосфильм, 1930 г.

– Пусть делают, что наметили, – сказал он. – Я оттягиваю девчат в здание, ты оставайся снаружи, придётся тебе одной «внешнее кольцо сталинградского окружения» изображать.

– Постараюсь справиться, шеф.

«Как-то подраспустил их Уваров, – подумал Секонд, – а точнее – все мы. Одни любовь крутят, другие из чужих амуров дивиденды извлекают. Ну ничего, как любил пугать бойцов один его сослуживец, ротный командир: «Вот подождите, подлецы, брошу пить, я вами займусь!» Но та угроза имела хотя бы теоретические перспективы. А как ты *этими* займёшься? Две на выданье, третья около того, за остальными, судя по всему, тоже не заржавеет. Отправить их в Кисловодск, всех, под присмотр Майи с Татьяной – и с плеч долой. Не ровен час, воспользуется какая-нибудь ситуацией, подстережёт в тёмном уголке – и что тогда делать?»

Полушутливая, а на самом деле вполне серьёзная, только не ко времени, мысль ушла, нужно было сиюминутные заботы разгрести.

– Тебе задача – найти их передвижной центр управления. Всех, кого случайно по пути встретишь – вырубай парализатором, полным импульсом, и прячь, чтоб до завтра не нашли. А хоть и никогда. Доберёшься до начальства – то же самое, но помягче. Языки будут нужны. Действуй, баронесса, и из связи вообще не выходи, ты мой главный резерв и заодно крылатое воплощение надежды.

– На банкет в Валгалле, что ли? Вы думайте, что говорите, шеф. Так я пошла?

Да, действительно. Сказанул, не подумав. Валькирия – надежда на что? На героическую гибель? Увольте. Это всё равно как предстоящий авиавылет «последним» назвать.

– Прости, дорогая. Работай, сама не подставься. И не вздумай меня с поля боя уносить с торжествующим криком. Сам выберусь...

Герте, пожалуй, досталось самое лёгкое задание. Она его ещё больше упростила, зная, что нарушает приказ, но ведь для общей пользы! Кроме того – «базовая подготовка» не запрещала координаторам при необходимости пользоваться блок-универсалом для перемещения в пределах Земли по установкам «общего уровня». Выбравшись на улицу, застроенную довольно старыми, тридцатых, наверное, годов жилыми домами, Герта нашла подходящую, с трёх сторон закрытую щель между торцами краснокирпичных пятиэтажек. Всего на пару минут открыла проход в квартиру, прямо в свою комнату. Да, непорядок, комната ведь «на той стороне», а это уже не пространственный, а межвременной скачок, что усугубляло нарушение. Правильно думал Секонд, «особые отношения» с Фёстом девчонку подраспустили. Недельки две гауптвахты ей очень бы не помешали. Ну, не хотела она, чтобы её Яланская или кто-то другой сейчас увидели. Да ведь и не узнает никто, не Ляхову же её перемещения отслеживать? Герта схватила из шкафа роликовые коньки и сразу обратно, на место отправления. Как раз в две минуты и уложилась, как рассчитывала. Теперь кеды – в рюкзачок, ботинки с коньками застегнула – порядок.

Нет, опять непорядок. И уже непонятно, случайность или последствие очередного возмущения межвременной ткани. У выхода из щели ей преградили путь два неизвестно откуда взявшихся парня. Не бомжи, самый обычный типаж нагатинско-коломенской шпаны, с Нижних Котлов, к примеру.

– О, ты глянь, Вить, тёлка в натуре. И прямо на месте преступления. Думала, спряталась, – с наглым, типично наигранным удивлением воскликнул первый. – Пардон, девушка, справление нужды в общественном месте карается...

– От нас не спрячешься, – гоготнул первый. – Штаны застегнуть успела?

– Да хоть и успела, сейчас снова расстегнёт. Сама. Слышь, Таня, или как тебя там, не тани. Здесь место хорошее, кричи – не кричи, не услышат. Так ты поняла? Давай, снимай. Совсем не надо, до колен – и хватит. Мы быстренько...

Герта не колебалась, да и причин не было. Блок, только что спрятанный, снова будто сам выскочил в ладонь из нагрудного кармана.

Теперь и пошутить слегка можно, а то эти подонки её чуть не напугали.

– Закурить не хотите, ребята? Заодно и познакомимся. А то нехорошо как-то – прямо так сразу штаны снимать с приличной девушки...

– Ты слышь, Витёк, она, бля, ещё и подьё...

– Толян, а у неё ведь штучка-то – зае... Может, заберём да и отпустим?

– И то, и то...

– Ну, как хотите, – широко улыбнулась Герта.

Щелчок – и умельцы подлавливать неосторожных девиц, не нашедших поблизости общественного туалета (а они явно её засекли на улице и решили, что она именно для того укромное местечко ищет), повалились на совсем нестерильный асфальт, засыпанный разнообразным мусором. Валькирия «под настроение» включила парализатор почти на полную мощность. Так что неизвестно, восстановятся ли двигательные функции к завтрашнему дню. А с сексуальными – вообще вопрос. А поскольку она готовилась брать языков, сознание «объектов воздействия» волновой удар не нарушил. Будут здесь лежать, как колоды, вдыхать не слишком приятные запахи, наблюдать то, что доступно лежащему ничком человеку, и думать. Ох и много же можно успеть передумать за 12 часов. Если раньше шок с комой от страха не наступят.

Герта, держась за стены, перепрыгнула через тела и легко покатила через двор. Действительно, ни души вокруг и половина плафонов не горит. Плохо бы пришлось оказавшейся в её положении нормальной девушке.

Выехала на улицу, пеленгуя блоком все подозрительные излучения. Это заняло всего двенадцать минут, но теперь она знала всю вражескую дислокацию, обнаружила и стоявший в переулке, триста метров от бокового проезда на территорию завода, синий мини-вэн с зашторенными окнами. В нём и работала многоканальная радиостанция, экипаж – человек пять, примерно. Люди в машине сидели тесно, масс-детектор смог выдать только приблизительную оценку.

О результате первичного осмотра ТВД она сообщила Секонду.

– Хорошо. Наши объекты чего-то не очень торопятся – сжимают кольцо, но пока вне зоны действительного огня. Подойдут поближе, мы стрельнём по паре раз, чтоб шороху навести, и начнём отход внутрь здания. О! Вот и подкрепление прибыло, – это он имел в виду Людмилу и двоих разведчиков.

– Слушай, баронесса. Как только услышишь первые выстрелы – мы из дробовиков начнём, приложим двух-трёх самых прытких. Они задумаются, а в это время все лишние с территории уйдут. Тогда и позабавимся. Твоя цель – вэн. Всех вырубай и угоняй машину. Не сильно далеко, в подходящий проходной двор. Можно – поблизости от моего «Самшита». Там и стой. Если у них рация на приём работает – слушай. Сама в связь не входи. Без связи и координации наши клиенты не шибко много наработают.

Фёст приказал Григорию с Эдуардом занять позицию у перехода из здания в цех. Людмилу и весь девичий полувзвод рассредоточил по периметру примыкающей к конторе площади. Им задача – сидеть тихо до последнего, как засадному полку Боброка Волынского. В случае необходимости удар в тыл или фланг всей огневой мощью десятка стволов надолго нападавшим «памороки отобьёт»²⁶, как дед выражался.

Ещё не ушедшим людям Хворостова Фёст поручил устроить яркую демонстрацию. С дистанции прямой видимости произвести по каждой из разведгрупп противника максимально возможное за минуту число выстрелов и сразу отходить. Но при этом отчётливо обозначив, что «шверпункт» позиции как раз в конторе и её подвалах. Да это атакующие и сами знают, сюда и шли. Ну, лишний раз убедить противника в его правоте – святое дело.

²⁶ У В. Даля – «отбить, отшибить памороки» – лишить памяти, сознания, способности разумно действовать.

Главное, о чём он предупредил «ополченцев», возможно, подзабывших настоящую войну (если кто в ней вообще участвовал) – отступать организованно, не отвлекаться на ложные цели и вражеские провокации, а главное – не высовываться выше верхних кромок естественных и искусственных укрытий. Снайперу много времени не надо, чтобы неосторожную голову продырять, даже и в, условно говоря, «темноте». Для нокто- и тепловизоров темноты не бывает.

– Командир, – спросила Темникова шёпотом, – а их не удивит, что *картинка боя* слишком *срезжиссированно* выглядит? Если подумать, так очень понятно, как их в огневой мешок затягивают...

– С чего? – ответила вместо Фёста Людмила. – С чего им сейчас *думать*? Они всё заранее знают. Они нашу квартиру отслеживали, разговоры «дяди Бори» слушали. Знают, сколько здесь примерно людей должно быть, чем вооружены. Я бы на их месте решила, что вся «верхушка» так и сидит в подвале, разговоры разговаривает. Ну и с ходу вперёд. Хватай мешки, вокзал отходит. А когда нарвутся на огонь, окончательно убедятся...

– Тоже мне стратег, – недовольно бросила Арина. То, что Вяземская так быстро начинает «борзеть», взводную совсем не радовало. Вельяминова, вон, с Уваровым уже сколько времени как с мужем живёт, и тоже взводная, а своего положения не выпячивает. А эта с первых дней вообразила, что ей теперь и чёрт не брат...

– Верно, – поддержал Людмилу Фёст. – Так что приготовились...

Момент и вправду наступил. У кого-то из продвигавшихся широкой дугой, в две шеренги с пятиметровыми интервалами, «контртеррористов» (так они числились в официальных отчётах) под ногой провалилась проржавевшая водосточная решётка. Ходить-то что по лесу, что по замусоренному заводскому двору эти спецы умели, но – «неизбежная на море случайность». Наступил, железка громко хрустнула, ещё что-то загремело. И началось!

Командовавший отрядом чоповцев Григорий демонстративно неуверенно выкрикнул: «Стой, кто идёт?», луч не очень сильного фонарика зашарил по двору, зацепил одного или двух крайних в шеренге. Тут же гроыхнул одиночный ружейный выстрел в воздух, клочок оранжевого пламени выметнулся на полметра. Следом за ним (известный приём – формально требование закона исполнено, а там иди разбирайся, кто ответил огнём на предупредительный и чьи были первые пули на поражение), подряд, вперебивку гулко захлопали до десятка «Сайг». Ребята стреляли в основном полукартечью. Не так, чтобы совсем смертельно, но если кто без бронежилета, в ближайшее время бегать вряд ли будет.

Ну и ещё насколько-то убедит, что никто опаснее сторожей с дробовиками и нескольких пистолетов у руководства им не угрожает.

Расчёт был верный. И слишком внезапная демаскировка, и стрельба своё дело сделали. Те, в кого попало, начали нажимать спуски вполне машинально. Не дальняя ведь разведка эти «зубры», не спецназ ГРУ. Так, чуть лучше обученный ОМОН фактически. И неважно, зомбированы они или просто хорошо финансово простимулированы.

Через полминуты пистолетные выстрелы и короткие очереди из «Кедров» и «Кипарисов» гремели уже вдоль всей цепи. То есть операция мятежников автоматически потеряла рисунок и смысл. Полноценный огневой бой с подготовленным противником – совсем другая стратегическая концепция. Приказ ведь был – взять живыми таких и таких-то персонажей. И фотографии имелись, словесные портреты, номера и волновые характеристики телефонов и других средств связи. Теперь эта задача представлялась уже невыполнимой. Требовалась срочная корректировка плана, и не на уровне командиров отделений, хоть и в офицерских званиях. Но с этим тоже возникли трудности из разряда непреодолимых.

Глава четвёртая

То, что в этом не центральном и отнюдь не фешенебельном районе вдруг вспыхнула перестрелка – едва ли должно было взволновать руководителей операции. Даже в спокойные времена то, что происходило на гигантской, неизвестно кому принадлежащей территории, не слишком волновало окружающих. Ну, могло бы сейчас несколько особо бдительных граждан позвонить в отделение милиции или «Службу спасения», мол, стреляют тут где-то за заборами. Так сначала нужно ещё разобраться, не кавказскую ли свадьбу справляют поблизости или просто мальчишки петарды раздобыли и развлекаются. А если даже какой-то бдительный дежурный вдруг и вышлет наряд, посмотреть, разобраться, так его остановят на дальних подступах вежливые мужчины с серьёзными документами. Объяснят, что операция проводится «на другом, чем окружное отделение милиции, уровне», и всё на этом.

Кстати, руководство пока и не вмешивалось, а вот сразу три командира «среднего звена», руководящие тремя группами – «зубров» для силового обеспечения, специалистов «интеллектуального профиля» для захвата основных фигурантов и немедленной с ними работы и того самого «взвода прикрытия», что должен был исключить любое вмешательство извне, причём не только патрулей ППС, – оказались поставлены в тупик.

Двое «силовики» должны были при возникновении нештатной ситуации доложить по команде, получить необходимые указания и продолжить выполнение задачи, что они сейчас и пытались сделать, а вот третий, «аналитик», сразу понял, что операция уже сорвана. Раз началась стрельба, вместо необходимых «на самом верху» пленных им достанутся только трупы, причём – исключительно бойцов прикрытия. Главари непременно уйдут, есть у них такая мерзкая способность, что сегодня уже дважды подтверждалась. Значит, операцию надо сворачивать, пока не поздно, и возвращаться «к месту постоянной дислокации».

Беда в том, что этому «третьему» первые два не подчинялись. У них были свои командиры и свои инструкции, а для «согласования разногласий» как раз и был развёрнут ППУ²⁷ в мини-вэне. Решение могли принять только там. Значит – приостановка движения, закрепление на достигнутых рубежах, доклад, ожидание новых инструкций, перегруппировка. Вот, считай, и всё, нечего было и затеваться. В таких делах потеря темпа равнозначна проигрышу партии.

И с самим докладом тоже не заладилось. «Зубры» и взаимодействующие с ними формирования даже в условиях почти уже достигнутой победы всё же не расслаблялись, не позволяли себе пользоваться для оперативной связи мобильными телефонами, как армейские офицеры противостоящих сторон в постоянно полыхающих на территории бывшего СССР локальных войнах. У них имелись специальные, отнюдь не российского производства, полевые рации со скользящей волной, согласуемой между приёмниками компьютерно, по отдельной программе, то есть пеленгация и перехват разговора «в режиме реального времени» исключался. Если только на противника не станет работать сам «начальник службы связи», знающий все характеристики радиостанций, частоту и амплитуду модуляций, саму программу и всю линейку кодов доступа.

В этом смысле «переговорники», которыми пользовались «печенеги», были гораздо удобнее. У себя они представляли последнее, секретнейшее достижение технической мысли, а с точки зрения здешнего XXI века были настолько примитивны и работали в таких диапазонах, что для их перехвата подходящей аппаратуры просто не имелось «в широком доступе». Это примерно как американские методики «Стелс» – прекрасно защищали самолёты от современных радаров, но оказались совершенно бессильны против стоявших на вооружении у сербов древних советских РЛС, работавших в метровом диапазоне.

²⁷ ППУ – полевой пункт управления.

Герта подкатилась на своих роликах к спокойно стоящему мини-вэну, заведомо поставленному так, что и свобода маневра обеспечивалась, и никакие пункты ПДД не нарушались. Машина выглядела пустой, ни лучика света из-под шторок, ни шевеления внутри. По крайней мере, так должно было показаться случайному прохожему или совершающему свой ежевечерний круг по вверенной территории экипажу ДПС.

Валькирия на своих роликах выглядела совершенно естественно, даже когда чуть не наткнулась на инвалида в кресле на колёсах, совершавшего вечерний моцион; рванулась в сторону, кое-как объехала старика со старушкой, зацепилась за электрический столб и с маху ударилась прямо о широкую сдвижную дверь микроавтобуса, обращённую к тротуару. И тут же тренированно отметила недостаточную подготовленность своих «клиентов». Гулкий удар семидесятикилограммовой (со всем снаряжением) девицы, помноженный на квадрат её же скорости в тонкий, резонирующий лист автомобильной двери, заставил кого-то, сидящего к ней вплотную, чисто автоматически отодвинуть край оконной шторы, взглянуть, что случилось.

Особого значения для планов Герты это не имело, она и так успевала, но всё же внимание противника было дополнительно отвлечено. Никогда ведь не знаешь, не столкнёшься ли вдруг с мастером, за три секунды выпускающим весь барабан «кольта» одинарного действия²⁸ в подброшенный двадцатипятицентовик. Маловероятно, но раз такие люди достоверно существуют, отчего бы вашим путям однажды не пересечься?

Она рывком распахнула дверь, незапертую (а ведь специалисты советуют, во избежание нападения уличных грабителей, всегда фиксировать замок изнутри), увидела пятерых мужчин, в разных позах сидящих в салоне, кто с ноутбуком, кто перед светящимся стационарным монитором. И затылок шестого, на водительском месте, вопреки всем правилам курящего, пусть и аккуратно, выпуская дым поверх чуть приспущенного стекла в сторону проезжей части. Оттуда заметить эти *дискретные* струйки мгновенно рассеивающегося дыма было практически невозможно, но тем не менее...

Герта нажала кнопку уже готового к действию блок-универсала, и «экипаж машины боевой» дружно повалился на пол, друг на друга, на пульт чего-то радиоэлектронного и на рулевую баранку.

Здесь дело сделано. Валькирия, оглянувшись и не заметив, чтобы кто-то заинтересовался её задержкой возле мини-вэна, скользнула внутрь и задвинула за собой дверь. Подождала минуту-другую, наблюдая через лобовое стекло и из-за шторок – всё вокруг снаружи тихо, спокойно. Внутри тоже – клиенты в той самой кондиции, что и гарантировалась инструкцией к «портсигару».

Она сбросила с ног неуклюжие ботинки с роликами, раздвинула створки стеклянной перегородки, отделяющей салон от водительского отсека. Подхватила отнюдь не хрупкой комплекции мужика под мышки и выдернула его, как морковку из грядки. Помогло ей то, что у парализованных блок-универсалом поперечно-полосатые мышцы значительно расслабляются, а гладкие остаются в тонусе. И они не становятся такими свинцово-тяжёлыми, как покойники. Приложился водитель головой об угол приборного столика основательно, но это девушке было совсем безразлично. Он явно не относился к объектам, заслуживающим аккуратного обращения.

Доставать из рюкзака кеды, переобуваться было некогда. Герта, подобно профессиональной «женщине-змее» из цирка, по сложной траектории изящно скользнула к рулю ногами вперед, в одних носках. Даже удобнее, педали лучше чувствуешь. Завела мотор, включила скорость и поворотник, начала отпускать сцепление. И на тебе! Не было печали!

²⁸ Револьвер одинарного действия – требующий ручного взведения курка для каждого следующего выстрела, не самовзводный.

Слева, прямо к дверце, прижался патрульный «Форд Фокус». Через опущенное стекло на валькирию весьма нелюбезно смотрел старший лейтенант, возрастом под сорок, «мордой же огряден», как писали во времена Ломоносова и Тредиаковского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.